

СМИРКОВ.

СОЦИАЛИЗМ
в оценке
Ф.М. Достоевского

W $\frac{454}{318}$

Пр. А. Смирновъ.

W 459
318

Соціализмъ

ВЪ ОЦѢНКѢ

Ө. М. ДОСТОЕВСКАГО.

Цѣна 25 коп.

КАЗАНЬ.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ТИПОГРАФІЯ.

1907.

230
Пр. А. Смирновъ.

W 454 ал
318

Соціализмъ

ВЪ ОЦѢНКѢ

Ө. М. ДОСТОЕВСКАГО.

КАЗАНЬ.

«Центральная Типографія».

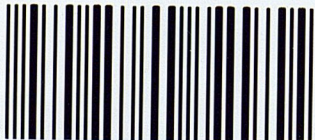
1907.

Сопоставлять

Извлечено из журнала «Церковно-Общественная Жизнь» за 1907 г.

В. М. ДОГТОВСКИЙ

23779-37

2007067286

I.

Современному обществу приходится переживать одинъ изъ самыхъ знаменательныхъ моментовъ въ міровой исторіи. Зло, насиліе и неправда, съ которыми человѣкъ волей или неволей мирился до сихъ поръ, достигли конечнаго предѣла; дольше терпѣть нельзя, нужно искать новыхъ путей жизни, новой дороги къ человѣческому счастью и благополучію. Изъ устъ всѣхъ, жаждущихъ обновленія, слышится горячій призывъ: довольно мукъ и горя! довольно насилія! долой все гнилое, обветшавшее и отжившее! Пусть для несчастнаго рода людского займется заря новой, свѣтлой и болѣе счастливой жизни!

Отвергнуть и разрушить старое не трудно. Но какъ создать новое? Гдѣ тотъ надежный путь, который непременно долженъ привести человѣческую жизнь къ благоустроению и довольству? Вѣдь съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ человѣкъ только началъ существовать, онъ постоянно гонялся за довольствомъ и счастьемъ; но счастье какъ призракъ убѣгало отъ него, маня его къ новымъ исканіямъ, къ новой борьбѣ, къ новымъ путямъ. Трудна задача созиданія даже личнаго, единичнаго счастья. Во сколько же разъ труднѣе устройство счастья цѣлыхъ обществъ, а тѣмъ болѣе всего человѣчества? Старое нынѣшнимъ поколѣніемъ отвергнуто, но новыхъ путей не намѣчено; впереди только туманъ, безпросвѣтный туманъ, и въ самомъ лучшемъ случаѣ—неясныя грезы, не опредѣлившіяся мечты. Вотъ почему настоящій моментъ жизни полонъ такого страшнаго трагизма, какого міровая исторія

можетъ быть никогда не переживала. Тяжелъ и тернистъ былъ старый путь, но онъ былъ знакомъ намъ; теперь предъ нами тысяча новыхъ путей, но куда они приведутъ, никто не знаетъ; на каждомъ изъ нихъ начертано для насъ, какъ для сказочнаго богатыря, грозное предостереженіе: пойдешь ты по этой дорогѣ,—жизни лишишься, по другой ты пойдешь,—коня потеряешь.

Современный человѣкъ, порвавшій связь со старыми основами жизни, какъ бы потерялъ точку опоры; нить жизненнаго пути для него оказалась оборванной. Куда идти, чего добиваться, гдѣ искать пути къ счастью? И вотъ онъ мятется, волнуется, раздражается, озлобляется. Предъ нимъ мерещится тропа, но онъ и самъ сомнѣвается въ глубинѣ души въ ея безусловной вѣрности и надежности. И приходится тутъ не созидать человѣческое счастье, а продѣлывать опыты: авось какънибудь и набредешь на вѣрный путь. Такимъ же опытомъ является и социальное переустройство на началахъ экономическаго матеріализма, о чемъ мечтаетъ нынѣ значительная часть интеллигентнаго общества? Много здѣсь увлеченія, горячей вѣры въ безусловную правоту социалистической теоріи; но кто изъ серьезныхъ людей можетъ увѣренно сказать, положивъ руку на сердце, что въ современномъ социализмѣ указанъ единственно вѣрный путь къ устроенію человѣческаго благополучія?

А что, если здѣсь чтонибудь не предусмотрено, если здѣсь допущена какаянибудь крупная ошибка? Что, если опытъ окажется неудачнымъ? Не слишкомъ ли велика будетъ жертва, если мы только для пробы, для опыта уничтожимъ и ту ненадежную опору, за которую цѣпляются миллионы людей, чтобы такъ или иначе оправдать свою волю къ жизни? Прежде чѣмъ приступать къ рискованному опыту, слѣдуетъ

сначала разобратъся, сдѣлать тщательную провѣрку, предусмотрѣть всѣ мелочи и случайности, чтобы идти потомъ не наавось, а навѣрняка.

Съ цѣлю такой провѣрки социалистическихъ ученій, я и рѣшился остановить вниманіе читателей на оригинальныхъ сужденіяхъ о социализмѣ великаго нашего писателя Θ . М. Достоевскаго. Можетъ быть въ этихъ сужденіяхъ онъ былъ не всегда правъ и безпристрастенъ; но къ нимъ стоитъ прислушаться, какъ къ голосу человѣка, искупившаго свое увлеченіе социализмомъ четырехъ-лѣтнею каторгою и ужасомъ смертнаго приговора. Да и помимо этого, Достоевскій обнаружилъ такое глубокое проникновеніе въ человѣческую душу, которое граничитъ съ даромъ особенной прозорливости. Благодаря этому онъ способенъ былъ предугадывать заранѣе ходъ общественныхъ теченій и настроеній. Это не писатель-романистъ въ обычномъ смыслѣ этого слова, а великій учитель не нашего только времени, но и грядущихъ поколѣній. Можетъ быть я пристрастенъ къ Достоевскому; но развѣ это только мой личный взглядъ? Даже на Западѣ начинаютъ ставить его имя въ ряду самыхъ выдающихся мыслителей и знатоковъ человѣческой психики.

Двадцатилѣтнимъ юношей Θ . М. Достоевскій въ значительной мѣрѣ увлекался тогдашними идеями утопическаго социализма. Мысль переустроить человѣческое общество на началахъ правды и равенства и тогда волновала молодежь, какъ она волнуетъ и теперь. Научнаго социализма тогда еще не существовало; увлекались большею частію мечтательными взглядами Фурье и Сень-Симона. Заманчивая мысль „о переустроеніи человѣчества“ заставила Достоевскаго вступить въ социалистическій кружокъ Петрашевскаго, что сопровождалось для него роковыми послѣдствіями. Обвиненный въ

принадлежности къ преступному кружку и въ чтеніи на одномъ собраніи рукописнаго письма Бѣлинскаго къ Гоголю по поводу его „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями“, Достоевскій былъ приговоренъ къ растрѣлянiю; только на эшафотѣ въ моментъ рокового сигнала смертная казнь замѣнена была четырьмя годами каторги съ зачисленіемъ потомъ въ рядовые.

Это увлеченіе соціалистическими идеями не было мимо-летнымъ и случайнымъ. Здѣсь была и страстность и сознательная рѣшимость. „Мы были, рассказываетъ Достоевскій, заражены идеями тогдашняго теоретическаго соціализма.... Когда мы, Петрашевцы, стояли на эшафотѣ, то выслушивали нашъ приговоръ безъ малѣйшаго раскаянія. Въ эти послѣднія минуты нѣкоторые изъ насъ, инстинктивно углубляясь въ себя и провѣряя мгновенно всю свою столь юную еще жизнь, можетъ быть, и раскаивались въ иныхъ тяжелыхъ дѣлахъ своихъ; но то дѣло, за которое насъ осудили, тѣ мысли, тѣ понятія, которыя владѣли нашимъ духомъ, представлялись намъ не только не требующими раскаянія, но даже чѣмъ-то насъ очищающимъ, мученичествомъ, за которое многое намъ простится. И такъ продолжалось долго“. ¹⁾

Знакомство съ Бѣлинскимъ, можетъ быть, еще болѣе укрѣпило Достоевскаго въ соціалистическихъ идеяхъ. Это было время для Бѣлинскаго, когда онъ особенно страстно защищалъ въ интимныхъ кругахъ соціализмъ и со свойственною ему рѣзкостью отрицалъ всѣ старые устои, въ томъ числѣ и религіозные. Обаяніе, которымъ пользовалось имя Бѣлинскаго, въ значительной мѣрѣ способствовало тому, что Достоевскій при личномъ знакомствѣ съ великимъ критикомъ

¹⁾ Т. IX, стр. 341 (по изданію Маркса).

внималъ его соціалистическимъ рѣчамъ, какъ пророческимъ. Тутъ не было ни вдумчивости, ни серьезной провѣрки; но увлеченіе было страстное, до готовности положить жизнь за новыя идеи.

И въ послѣдствіи, когда совершился переломъ, Достоевскій постоянно возвращался къ тѣмъ вопросамъ, которые выдвигалъ соціализмъ. Подъ вліяніемъ подавляющихъ картинъ бѣдности, горя и забитости, которыя ему приходилось наблюдать и на родинѣ и за-границей, онъ все болѣе и болѣе понималъ, какую страшную, уничтожающую и развращающую силу представляетъ капитализмъ и буржуазный строй. „Какія широкія, подавляющія картины! говоритъ онъ, описывая лондонскую жизнь. Этотъ день и ночь суетящійся и необъятный какъ море городъ, визгъ и вой машинъ, эти чугузки, проложенныя сверхъ домовъ и подъ домами, эта отравленная Темза, этотъ воздухъ, пропитанный каменнымъ углемъ, эти страшные углы города, какъ Вайтчепель, съ его полуголымъ, дикимъ и голоднымъ населеніемъ, Сити со своими милліонами и всемірной торговлей, кристальный дворецъ, всемірная выставка. Вы даже какъ будто начинаете бояться чего-то. Это какая-то библейская картина, что-то о Вавилонѣ, какое-то пророчество изъ Апокалипсиса, во-очію совершающееся. Если-бы вы видѣли, какъ гордъ тотъ могучій духъ, который создалъ эту колоссальную декорацію, и какъ гордо убѣжденъ этотъ духъ въ своей побѣдѣ и въ своемъ торжествѣ, то вы бы содрогнулись за его гордыню, упорство и слѣпоту, содрогнулись бы и за тѣхъ, надъ кѣмъ носится и царитъ этотъ гордый духъ. При такой колоссальности, при такой исполинской гордости владычествующаго духа, при такой торжественной оконченности созданій этого духа, замираетъ нерѣдко и голодная душа, смиряется, подчиняется, ищетъ спасенія

въ джинѣ и развратѣ и начинаетъ вѣровать, что такъ всему тому и слѣдуетъ быть“¹⁾. Вотъ почему Достоевскій, и отрезвившись отъ прежнихъ социалистическихъ увлеченій, старается распутаться въ тѣхъ мучительныхъ вопросахъ, которые выдвигаются социализмомъ. Кто знаетъ? можетъ быть, въ немъ происходила даже глубокая внутренняя борьба? Можетъ быть и его мучили назойливые вопросы: а что, если въ социализмѣ, стремящемся къ измѣненію экономическаго строя, есть значительная доля истины? что, если я въ оцѣнкѣ его ошибся? И онъ снова возвращается къ вопросу о социализмѣ; онъ затрогиваетъ его въ своихъ лучшихъ произведеніяхъ — Преступленіе и наказаніе, Братья Карамазовы, Бѣсы, Подростокъ и т. д.; онъ удѣляетъ ему значительное мѣсто и въ своемъ Дневникѣ писателя. И чѣмъ дальше, тѣмъ полнѣе, вдумчивѣе и опредѣленнѣе становятся его взгляды по социальнымъ вопросамъ. Они входятъ, какъ органическое звено, въ общую систему его міровоззрѣнія. Отъ прежняго социализма съ его вѣрою въ спасительность всѣхъ этихъ рабочихъ ассоціацій, земледѣльческихъ колоній, фаланстеръ и проч. не осталось и слѣда. Точка христіанскаго индивидуализма сдѣлалась для него опорнымъ пунктомъ при рѣшеніи социальныхъ вопросовъ.

Какъ совершился этотъ коренной переломъ, Достоевскій объ этомъ намъ не успѣлъ рассказать. Ни позорный эшафотъ, ни ужасъ растрѣла, ни четырехъ-лѣтняя каторга, ни солдатская шинель не имѣли здѣсь рѣшающаго значенія. Ничто не сломало насъ, рассказываетъ Достоевскій, и наши убѣжденія лишь поддерживали нашъ духъ въ сознаніи исполненнаго долга. Нѣтъ, нѣчто другое измѣнило взглядъ нашъ,

¹⁾ Т. III, ч. 2-я, стр. 33—34.

наши убѣжденія и сердца наши. Это нѣчто другое было непосредственное соприкосновеніе съ народомъ, братское соединеніе съ нимъ въ общемъ несчастіи, понятіе, что самъ сталь такимъ же, какъ онъ, съ нимъ сравненъ и даже приравненъ къ самой низшей ступени его. Это не такъ скоро произошло, а постепенно и послѣ очень—очень долгаго времени... Мнѣ очень трудно было бы рассказать исторію перерожденія моихъ убѣжденій, тѣмъ болѣе, что это, можетъ быть, и не такъ любопытно.“ 1)

Но можетъ быть для насъ остались навсегда неизвѣстными только тѣ внѣшнія условія и обстоятельства, которыя повліяли на духовный переломъ Достоевскаго; а процессъ внутренняго перерожденія и рѣшительнаго отреченія отъ прежнихъ увлеченій для насъ болѣе или менѣе понятенъ. Четыре года ужасной каторги были для него длинной, но благодѣтельной школой. Здѣсь онъ узналъ народъ, понялъ его и полюбилъ въ лицѣ самыхъ отверженныхъ и несчастныхъ отбросовъ. На примѣрѣ даже этихъ отбросовъ онъ могъ видѣть, что народъ ищетъ и проситъ не одного только хлѣба, но еще чего-то и высшаго; осыпъ его всеми земными благами, но не удовлетвори его высшихъ запросовъ, онъ все равно никогда не будетъ чувствовать себя счастливымъ. У каждаго есть своя душа, свои завѣтныя думы, свои запросы и стремленія, свои надежды и вѣрованія, которыя для него безконечно цѣннѣе, чѣмъ все обѣщанія сытости и довольства. Все эти наблюденія постепенно, шагъ за шагомъ приводили его къ индивидуализму, который получилъ особенную окраску подъ вліяніемъ христіанства. Достоевскій и по природѣ и по воспитанію былъ религіозною натурой; но

1) Т. IX, стр. 341—342.

подъ вліяніемъ жизненныхъ обстоятельствъ эта вѣра еще болѣе въ немъ окрѣпла. На пути въ каторгу въ Тобольскѣ жившіе здѣсь жены декабристовъ одѣлили всѣхъ ссыльныхъ петрашевцевъ Евангелиемъ, единственною книгою, позволенною въ каторгѣ. „Четыре года, говоритъ Достоевскій, пролежала она подъ моею подушкою въ каторгѣ. Я читалъ ее иногда, и читалъ другимъ: по ней выучилъ читать одного каторжнаго“¹⁾. Понятно, что это приучило его оцѣнивать всякое явленіе жизни съ точки зрѣнія Евангелія; все его міровоззрѣніе должно было получить христіанскій характеръ. Вѣра и святыня народная сдѣлались и для него высшей святыней.

На прежнее увлеченіе социализмомъ Д —скій впоследствии часто смотрѣлъ, какъ на пору безумія. «Въ половинѣ текущаго столѣтія (19-го), говоритъ онъ, нѣкоторые изъ насъ удостоились приобщиться къ французскому социализму и приняли его безъ малѣйшихъ колебаній за конечное разрѣшеніе всечеловѣческаго единенія, т. е. за достиженіе всей увлекавшей насъ доселѣ мечты нашей. Такимъ образомъ, за достиженіе цѣли мы приняли то, что составляло верхъ эгоизма, верхъ безчеловѣчія, верхъ экономической безтолковщины и безурядицы, верхъ клеветы на природу челоуѣческую, верхъ уничтоженія свободы людей. Видя грустное недоумѣніе иныхъ глубокихъ европейскихъ мыслителей, мы съ совершенною развязностью немедленно обозвали ихъ подлецами и тушицами.»²⁾ Но это самобичеваніе за прежнее увлеченіе не было проявленіемъ глухой и слѣпой вражды, при которой теряется способность объективной оцѣнки

¹⁾ Т. IX, стр. 175.

²⁾ Т. XI, стр. 24.

факта. Если кто и возбуждалъ въ немъ чувство брезгливаго отвращенія, то это тѣ подленькіе люди, которые хватаются за социализмъ или даже только прикрываются именемъ социалистовъ единственно изъ-за грязныхъ и своекорыстныхъ разсчетовъ. Типъ такого человѣка „себѣ на умѣ“, не разбирающаго средствъ къ достиженію личныхъ некрасивыхъ цѣлей, Достоевскій представилъ намъ въ романѣ „Бѣсы» въ лицѣ Петра Степановича Верховенскаго. Социализмъ для него только маска, которой онъ прикрываетъ самыя грубыя и низменныя вождельнія. О счастіи человѣчества онъ при случаѣ наговоритъ цѣлую массу патетическихъ фразъ, а на самомъ дѣлѣ ему до этого счастья рѣшительно нѣтъ никакого дѣла. Это человѣкъ, мечтающій не столько о созиданіи, сколько о разрушеніи; это самый ужасный злодѣй, но злодѣй интеллигентный, съ хорошими манерами, съ французскимъ языкомъ; для того, чтобы получить хотя бы только хорошій обѣдъ, онъ готовъ на какое угодно звѣрство. О ста милліонахъ человѣческихъ головъ онъ говоритъ съ такимъ же равнодушіемъ, какъ о ста бараньихъ головахъ. Въ немъ сидитъ бѣса смуты, разложенія и разрушенія. «Мы пустимъ, мечтаетъ онъ, пьянство, сплетни, доносъ; мы пустимъ неслыханный развратъ; мы всякаго генія потушимъ въ младенчествѣ... Одно или два поколѣнія разврата теперь необходимо; разврата неслыханнаго, подленькаго, когда человѣкъ обращается въ гадкую, трусливую, жестокую, себялюбивую мразь,—вотъ чего надо! А тутъ еще «свѣженькой кровушки», чтобъ попривыкъ.»¹⁾ И все это для чего? Для того, чтобы превратить всѣхъ въ рабовъ; пусть всѣ будутъ рабы и въ рабствѣ равны; а надъ этимъ стадомъ безответ-

1) Т. VII, стр. 405, 407--408.

ныхъ рабовъ будутъ господами и властелинами единичные счастливые избранники, и между ними первое мѣсто будетъ принадлежать, конечно, ему, Петру Степановичу Верховенскому. Вотъ этотъ-то подленькій расчетъ, это приспособленіе всякой идеи къ собственной ничтожной личности, это дикое сладострастіе при видѣ крови, разврата и всеобщаго разложенія и были ненавистны Ѳ. М. Достоевскому.

Но люди искренняго убѣжденія, чающіе найти въ социализмѣ спасеніе для человѣчества отъ наличныхъ страданій, всегда вызывали въ немъ глубокое сочувствіе. Пусть они ошибаются, пусть они принимаютъ несбыточную фантазію за истину; оправданіемъ для нихъ служить искренность увлеченія, готовность жизнь свою отдать за благо людей. Онъ понималъ смыслъ и значеніе юношескаго увлеченія заманчивыми обѣщаніями социализма. „Юношество наше, говоритъ онъ, ищетъ подвиговъ и жертвъ. Современный юноша, о которомъ такъ много говорятъ въ разномъ смыслѣ, часто обожаетъ самый простодушный парадоксъ и жертвуетъ для него всѣмъ на свѣтѣ, судьбою и жизнью; но вѣдь все это единственно потому, что считаетъ парадоксъ за истину. Подоспѣтъ свѣтъ, и сами собой явятся другія точки зрѣнія, а парадоксы исчезнутъ, но за то не исчезнетъ въ немъ чистота сердца, жажда жертвъ и подвиговъ, которая въ немъ такъ свѣтится теперь; а это-то и всего лучше“. ¹⁾ А вотъ и еще доброе и теплое слово по поводу самоубійства одной акушерки Писаревой. Въ оставленномъ ею письмѣ она объясняетъ, что заставило ее покончить съ жизнью, и проситъ не жалѣть ее, не „выть“ надъ ней. «Въ этомъ письмѣ, говоритъ Достоевскій, проглядываетъ руководящее убѣжденіе

всей жизни, т. е. „были бы всѣ обезпечены, были бы всѣ и счастливы, не было бы бѣдныхъ, не было бы преступленій; преступленій нѣтъ совсѣмъ; преступленіе есть болѣзненное состояніе, происходящее отъ бѣдности и отъ несчастной среды“ и т. д. и т. д. Въ этомъ-то и состоитъ весь этотъ маленькій, обиходный и ужасно характерный и законченный катехизисъ тѣхъ убѣжденій, которымъ онѣ предаются въ жизни съ такою вѣрою, которыми онѣ замѣняютъ все: живую жизнь, связь съ землей, вѣру и правду,—все, все.... И умерла бѣдная дѣвушка. Я не вою надъ тобой, бѣдная, но дай хоть пожалѣть о тебѣ, позволь это; дай пожелать твоей душѣ воскресенія въ такую жизнь, гдѣ бы ты уже не соскучилась. Милыя, добрыя, честныя (все это есть у васъ), куда же это вы уходите, отчего вамъ такъ мила стала эта темная глухая могила? Смотрите, на небѣ яркое весеннее солнце, распустились деревья, а вы устали, не живши. Ну, какъ не *выть* надъ вами матерямъ вашимъ, которыя васъ растили и такъ любовались на васъ, когда еще вы были младенцами? А въ младенцѣ столько надеждъ! И ты была младенцемъ и хотѣла жить, и твоя мать это помнитъ, и какъ сравнить теперь твое мертвое лицо съ тѣмъ смѣхомъ и радостью, которые видѣла и помнитъ на твоёмъ младенческомъ личикѣ, то какъ же ей не «взвыть,» какъ же упрекать ихъ за то, что онѣ воютъ». ¹⁾

Нѣтъ, не злоба, не тупая вражда ренегата слышится въ словахъ Достоевскаго, когда онъ дѣлаетъ оцѣнку социализму. Но его мысль, его убѣжденія, его чувства получили совсѣмъ иное направленіе, и онъ уже не можетъ стоять на точкѣ зрѣнія узко-экономическаго социализма, не можетъ никакъ

¹⁾ Т. X, стр. 198—199.

помириться съ нимъ. Онъ не менѣе пламенно, чѣмъ въ годы юношескихъ увлеченій мечтаетъ о томъ, чтобы всѣ люди жили въ сытости, довольствѣ, братскомъ единеніи и любви; но путь къ этому онъ намѣчаетъ совсѣмъ другой, чѣмъ путь только экономическаго переустройства человѣческаго общества. Можетъ быть и въ его новыхъ взглядахъ по социальнымъ вопросамъ проглядываетъ значительная доля увлеченія, пожалуй, мечтательности и идеалистическихъ порывовъ. Онъ самъ говоритъ; «я неисправимый идеалистъ; я ищу святынь, я люблю ихъ, мое сердце ихъ жаждетъ, потомучто я такъ созданъ, что не могу жить безъ святынь.» Но въ томъ и заключается сила его таланта, что онъ увлекаетъ насъ своею искренностью, что онъ заражаетъ насъ своею вѣрою въ лучшія стороны человѣческой души и заставляетъ надѣяться на естественную побѣду добра надъ зломъ безъ насилія, безъ крови и даже безъ тяжелой борьбы.

II.

Критика Достоевскаго направлена главнымъ образомъ не противъ того новѣйшаго социализма, который получилъ начало отъ Маркса, и которому усвоится наименованіе научнаго социализма, а противъ тѣхъ мечтательныхъ теорій Сень-Симона, Фурье и Каба, которыя волновали не только западное, но и наше русское общество около середины прошлаго столѣтія. Намъ нѣтъ нужды излагать подробно эти теоріи; достаточно только указать въ нихъ тѣ самыя характерныя черты, на которыя обращалъ вниманіе и Достоевскій.

Въ основѣ всѣхъ социальныхъ системъ лежитъ благородное намѣреніе обезпечить счастье и довольство возможно большаго числа людей. Такую же высокую задачу берутъ на

себя и названные французскіе социалисты. Нужда и необеспеченность массы трудящагося люда зависитъ, по ихъ мнѣнію, отъ разобщенности; каждый работаетъ и борется съ нуждою единично, самъ по себѣ, независимо отъ другихъ. Пусть люди сознаютъ свое социальное единство, пусть они объединятся какъ бы въ единую семью, чтобы сообща производить трудъ и пользоваться продуктами этого труда, и тогда бѣдность будетъ немыслима. Матеріальная нужда есть результатъ съ одной стороны невѣжества, а съ другой—частной собственности и частной предприимчивости. Поэтому лучшимъ средствомъ борьбы съ бѣдностью является образованіе ассоціацій, коммунъ, товариществъ, гдѣ всѣ продукты труда становятся общимъ достояніемъ: *de chacun suivant ses forces, à chacun suivant ses besoins*. вмѣсто того, чтобы заботиться бесплодно объ отдѣльныхъ единицахъ, нужно реформировать социальную строй, нужно правильно организовать общество. Понятно, что въ данномъ случаѣ главную цѣнность получаетъ общество, какъ цѣлое; единичная же личность отступаетъ на задній планъ и превращается въ средство къ достиженію блага большинства. Повидимому Фурье отстаиваетъ индивидуализмъ, когда думаетъ положить въ основу своего социального строя индивидуальныя страсти; но какой тутъ индивидуализмъ, когда своими пресловутыми фалангами онъ нивелируетъ и обезличиваетъ отдѣльную личность до потери всякой свободы, всякаго личнаго желанія?

Не придавая цѣнности отдѣльному индивидууму, французскіе социалисты не хотѣли считаться и съ народною индивидуальностью; на мѣсто національнаго элемента они выдвигаютъ элементъ космополитическій. Недаромъ Сень-Симонъ въ одномъ изъ первыхъ своихъ произведеній проектировалъ объединеніе всѣхъ европейскихъ государствъ и образованіе обще-европейскаго парламента.

Мечтая о реформѣ соціального строя и обеспеченіи полнаго довольства людей, сенъ-симонисты и фурьеристы всѣ свои упованія возлагали на науку и на будущій разцвѣтъ ея. Христіанство не сдумѣло внести благоустройства въ человѣческую жизнь; поэтому нужно искать болѣе надежнаго руководства. Правда, французскіе соціалисты не заявляли себя рѣшительными атеистами; они даже часто прибѣгали къ религіознымъ терминамъ, а Сенъ-Симонъ мечталъ создать „новое христіанство“. Но все это только видимость, которая была вполнѣ понятна ихъ современникамъ; религіозный духъ времени заставлялъ и ихъ для успѣха своихъ идей поддѣлываться подъ господствующее настроеніе 1). Намѣсто религіи выдвигалась вѣра въ науку, вѣра во всемогущество человѣческаго разума, которая, по выраженію Туганъ-Барановскаго, отличалась у нихъ трогательной наивностью. Они и свои утопическія теоріи считали чуть не за послѣднее слово науки. Теорія, доктрина замѣняла для нихъ все,—и законы человѣческой жизни, и психологію человѣка, и основы истинно-научной соціологіи.

Объясняя человѣческія страданія главнымъ образомъ матеріальною необезпеченностью, французскіе утописты всѣ свои мечты о будущемъ благоденствіи людей сводятъ къ матеріальному довольству; были бы люди только сыты, а оста-

1) Антихристіанскій характеръ носить и современный экономическій соціализмъ. Достаточно указать здѣсь на слова Бебеля: „Съ точки зрѣнія прогресса человѣчества упраздненіе христіанства прямо таки необходимо... Христіанство и соціализмъ враждебны другъ другу, какъ огонь и вода. „(Христіанство и соціализмъ, стр. 22 и 32). Такъ-же и Каутскій: „Признаніе личнаго Бога и личнаго безсмертія не соединимо съ научнымъ соціализмомъ; въ особенности же не соединима съ нимъ идея Богочеловѣка“ (Соціаль-демократія и католич. церковь, стр. 4).

льное, дескать, приложится само собою. Прочитайте у Фурье картины будущей счастливой жизни, и вы согласитесь, что все здѣсь сводится прежде всего къ сытому чреву: всѣ тогда будутъ имѣть обѣдъ изъ пяти блюдъ и пить тонкія вина; химики научатся готовить питательныя вещества изъ неорганической матеріи; вмѣсто нынѣшней отвлеченной и скучной философіи появится болѣе интересная отрасль знанія— „гастрософія“, т. е. искусство ѣсть, и т. д. Говорили они, конечно, и объ удовлетвореніи духовныхъ запросовъ, но это удовлетвореніе по ихъ мнѣнію будетъ естественнымъ и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ удовлетворенія матеріальныхъ потребностей²⁾).

Тѣ средства къ установленію новаго соціального строя, которыя практикуютъ въ настоящее время соціалисты—революціонеры, французскіе утописты не предлагали. Но и они не всегда надѣялись на водвореніе новыхъ порядковъ одними только мирными средствами; и они предвидѣли революцію и насильственный переворотъ. Поэтому Достоевскій былъ вполне правъ, когда говорилъ, что въ самой основѣ соціализма заключается оправданіе насилія и преступленія ради достиженія намѣченныхъ цѣлей.

Повидимому, критика Достоевскаго, направленная на соціализмъ французскихъ утопистовъ, имѣетъ только историческій интересъ и не относится къ современному научному соціализму. Но это не такъ: и въ нынѣшнемъ соціализмѣ

2) И современный намъ соціализмъ утверждаетъ, что способъ производства и матеріальныя средства существованія всецѣло определяютъ духовный прогрессъ человѣческихъ обществъ, его религію, нравственность, право и т. д. „По сравненію съ матеріальными потребностями всѣ идеальныя потребности—роскошь“, говоритъ Штернъ Историческій материализмъ и теорія прибав. цѣнности, стр. 13).

сохранилась значительная доля прежней закваски. Поэтому многое из того, что говорил Достоевскій по адресу Сенъ-Симона и Фурье, имѣеть близкое отношеніе и къ современному экономическому социализму. Притомъ же въ послѣдніе годы жизни Достоевскаго и идеи Маркса стали проникать въ русское общество; поэтому въ своихъ отзывахъ о социализмѣ онъ, по крайней мѣрѣ въ позднѣйшихъ своихъ сочиненіяхъ, имѣлъ отчасти въ виду и принципы новѣйшаго коллективизма.

Въ рѣшеніи социальнаго вопроса Достоевскій выставляетъ на первый планъ совершенно иную точку зрѣнія: нужно измѣнить къ лучшему, и прежде всего конечно въ нравственномъ отношеніи, каждую отдѣльную личность, и тогда общее благо явится само собою. По своему міровоззрѣнію онъ былъ строгій и послѣдовательный индивидуалистъ. Онъ признавалъ безконечную цѣнность каждой единичной человѣческой личности независимо отъ ея социальнаго положенія и значенія. Каждый человекъ есть самъ въ себѣ и для себя цѣль, а вовсе не средство для устроенія человѣческаго общежитія. Чтобы вѣрить въ возможность достиженія общаго счастья людей, нужно прежде всего вѣрить въ человека, въ его высшее призваніе и назначеніе, въ лучшія свойства его души, нужно вѣрить, что человекъ „вовсе не атомъ и не ничто предъ возвѣздами, что вся эта бездна таинственныхъ чудесъ Божіихъ вовсе не выше его мысли, не выше его сознанія, не выше идеала красоты, заключеннаго въ душѣ его, а, стало быть, равна ему и роднитъ его съ безконечностью бытія ... и что за все счастье чувствовать эту великую мысль, открывающую ему, кто онъ, онъ обязанъ лишь *своему миру человеческому*. „Великій Духъ, благодарю Тебя за ликъ че-

ловѣческій, Тобою данный мнѣ!“—вотъ какова должна быть наша молитва“¹⁾.

Трудно указать во всей мировой литературѣ писателя, который такъ глубоко вѣрилъ бы въ человѣка и въ лучшія свойства его природы, какъ Достоевскій. Четырехлѣтнее наблюденіе надъ отверженными каторжниками привело его къ искреннему убѣжденію, что нѣтъ и не можетъ быть для человѣка такого нравственнаго паденія и озвѣрѣнія, при которомъ не сохранилось бы въ тайникахъ его души свѣтлыхъ проблесковъ добра и правды. Какойнибудь безнадежный пьянчужка Мармеладовъ, способный ради удовлетворенія своей слабости отнять послѣдній кусокъ у своей несчастной семьи, въ изображеніи Достоевскаго предстаетъ предъ нами съ такимъ ясно выраженнымъ человѣческимъ ликомъ, съ такою жаждою правды Божіей, съ такимъ мучительнымъ „надрывомъ“ любви, что никому изъ насъ и въ голову не можетъ придти бросить въ него камень осужденія. А Соня, несчастная Соня Мармеладова, продавшая свою честь и спустившаяся по чувству состраданія къ голодной семьѣ до позорнаго ремесла! Она является предъ нами прямо въ ореолѣ какой-то великой подвижницы и мученицы, готовой пожертвовать не только собою, но, кажется, и своимъ вѣчнымъ спасеніемъ для блага тѣхъ, кого она считаетъ достойными любви. Много разъ говорили по поводу этихъ типовъ Достоевскаго, что нужно имѣть страшно крупный талантъ, чтобы въ лицѣ этихъ падшихъ, униженныхъ и въ глазахъ общества опозоренныхъ представить образцы великой нравственной силы духа и созидающей любви. Но намъ кажется, что здѣсь недостаточно одного писательскаго таланта: здѣсь нужна еще

¹⁾ Т. X, 4.

безграничная отзывчивость къ людскому страданію и непоколебимая вѣра въ прекрасный ликъ человѣческій.

Но вѣрить въ челоѣка и въ лучшія свойства его души значитъ вѣрить и въ возможность для него достиженія счастья. Безъ кровополитной борьбы, безъ насилія, безъ погромовъ придетъ это счастье не только для отдѣльныхъ единицъ, но и для цѣлыхъ обществъ и народовъ, придетъ путемъ постепеннаго нарастанія правды Божіей въ людяхъ. Была бы въ челоѣкѣ только жажда добра и нравственной правды, путь къ соціальному благоустройству намѣтится самъ собою. Въ томъ и ошибка большинства защитниковъ экономическаго социализма, говоритъ Достоевскій, что они въ погонѣ за коллективнымъ и въ существѣ дѣла чисто отвлеченнымъ благомъ забываютъ объ отдѣльной челоѣческой личности. Не челоѣчество только во всей его совокупности, не общество, не народъ, а и каждая единичная личность должны разсматриваться, какъ цѣль мірозданія. Каждый хочетъ жить, каждый заявляетъ право на счастье, каждый поставляетъ себя центромъ жизни. По какому же праву мы будемъ смотрѣть на отдѣльную личность, только какъ на средство, какъ на строительный матеріалъ для созиданія всеобщаго счастья? У каждаго челоѣка, будь онъ самою ничтожною величиною, въ родѣ какой нибудь зловредной старухи процентщицы или безсердечнаго злодѣя Смердякова, въ глубинѣ совѣсти звучитъ тотъ-же мощный голосъ, который звучалъ и въ сердцѣ Раскольниковова: „нѣтъ, мнѣ жизнь однажды дается, и никогда ея больше не будетъ; я не хочу дожидаться всеобщаго счастья; я и самъ хочу жить, а то лучше ужъ и не жить“. 1)

И это говоритъ тотъ самый Раскольниковъ, который въ

1) Т. V, стр. 271

теоріи жизньъ единичной личности готовъ былъ принести въ жертву общему благу людей. Но голосъ совѣсти и природы оказался сильнѣе всякихъ теорій.

Люди очень часто способны увлекаться парадоксомъ и принимать его за непогрѣшимую истину. Такимъ парадоксомъ, по мнѣнію Достоевскаго, является въ существѣ дѣла и социализмъ, поскольку онъ думаетъ устроить общее счастье людей, совершенно пренебрегая благомъ единичныхъ личностей. Мечтая объ общемъ счастьѣ людей, многіе любятъ скорѣе только отвлеченный образъ и можетъ быть даже только свою собственную идею, чѣмъ живую личность со всѣми ея достоинствами и недостатками. Любить всѣхъ для обыкновенныхъ смертныхъ значитъ не любить никого. Даже такая богатая, хотя и надорванная натура, какою является Настасья Филиппевна въ романѣ „Идіотъ“, считала любовь ко всѣмъ однимъ только самообманамъ; а она могла любить и глубоко и широко. „Можно-ли, спрашиваетъ она въ своемъ письмѣ къ Аглаѣ, можно ли любить всѣхъ, всѣхъ людей, всѣхъ своихъ ближнихъ?—я часто задавала себѣ этотъ вопросъ? Конечно, нѣтъ, и даже неестественно. Въ отвлеченной любви къ человѣчеству любишь почти всегда одного себя“. Развѣ это не такъ, развѣ это не правда? Мало ли интеллигентныхъ людей, одушевленныхъ отвлеченною и потому самую непрочною любовью къ человѣчеству, уходило въ народъ для служенія ему, но не могло выдержать не прикрашенной дѣйствительности и бросало свой подвигъ. Какъ сейчасъ помню такой случай. Въ восьмидесятыхъ годахъ я ѣхалъ въ третьемъ классѣ Самолетскаго парохода; нынѣшнихъ удобствъ тогда не было; третій классъ представлялъ почти открытую палубу. На одной скамейкѣ барышня съ фельдшерскихъ курсовъ вела оживленную бесѣду съ нѣсколькими мо-

лодыми людьми; она горячо говорила о любви къ народу и безкорыстномъ служеніи ему и въ чисто некрасовскомъ духѣ сѣтовала на несчастную долю забитаго и подавленнаго нуждою крестьянства. И вотъ въ это самое время деревенская женщина, довольно оборванная, съ грязнымъ и неопрятнымъ ребенкомъ на рукахъ, подходитъ къ барышнѣ и просить ее „подвинуться“, такъ какъ на скамьѣ было не слишкомъ тѣсно. Трудно забыть отразившееся на лицѣ барышни чувство брезгливости, съ какимъ она посмотрѣла на бѣдную мать съ ребенкомъ въ жалкихъ и вонючихъ тряпкахъ; она тотчасъ встала и отошла отъ непріятнаго сосѣдства. Въдѣ безспорно, она въ своихъ рѣчахъ о несчастной крестьянской долюшкѣ была вполне искренней; она жалѣла народъ, готова была и послужить ему; но это была любовь отвлеченная, любовь мечтательная, которая только и можетъ проявиться въ горячихъ и страстныхъ рѣчахъ.

Достоевскій потому и относился скептически и даже прямо отрицательно къ современному социализму, что не видѣлъ въ немъ прочной основы, не видѣлъ проявленія той дѣятельной любви, которая «долготерпѣть, милосердствуетъ не завидуя, не превозносится, не ищетъ своего, не раздражается, не мыслить зла, все покрываетъ, всему вѣритъ, всего надѣется, все переноситъ» (1 Кор. 13, 4-7). Строить человѣческое счастье можетъ только тотъ, кто умѣетъ и страдать и сострадать. «Состраданіе есть главнѣйшій и, можетъ быть, единственный законъ бытія всего человѣчества». Но сострадать не мыслию только, а сердцемъ и дѣломъ, можно не всему человѣчеству въ его цѣлостности, а отдѣльной личности; только ее я могу пожалѣть настоящимъ образомъ, только надъ созиданіемъ ея счастья могу трудиться не по подсказу отвлеченной мысли, а по влеченію отзывчиваго сердца. Вотъ

почему Достоевскій признавалъ только такой социализмъ, который исходитъ изъ индивидуализма, который признаетъ цѣнность каждой отдѣльной человѣческой личности и ставитъ ее во главу угла при переустройствѣ человѣческаго общежитія. Онъ, напр., съ глубокимъ сочувствіемъ относился къ социальнымъ взглядамъ Жоржъ Зандъ, и это потому, что «она основывала свой социализмъ, свои убѣжденія, надежды и идеалы на нравственномъ чувствѣ человѣка, на духовной жаждѣ человѣчества, на стремленіи его къ совершенству и чистотѣ, а не на муравьиной необходимости. Она вѣрила въ человѣческую личность безусловно, возвышала и раздвигала представленіе о ней всю жизнь свою въ каждомъ своемъ произведеніи, и тѣмъ самымъ совпадала и мыслию и чувствомъ своимъ съ одной изъ самыхъ основныхъ идей христіанства, т. е. съ признаніемъ человѣческой личности и свободы ея (а, стало быть, и ея отвѣтственности)... Что же касается до гордости ея запросовъ и протеста, то эта гордость никогда не исключала милосердія, прощенія обиды, даже безграничнаго терпѣнія, основаннаго на состраданіи къ самому обидчику; напротивъ. Жоржъ-Зандъ въ произведеніяхъ своихъ не разъ прельщалась красотою этихъ истинъ, и не разъ воплощала типы самого искренняго прощенія и любви.»¹⁾

Это глубокое уваженіе къ Жоржъ Зандъ, игравшей очень видную роль въ социалистическомъ движеніи своего времени, чрезвычайно характерно для оцѣнки отношенія Достоевскаго къ социализму. Умаленіе цѣнности и значенія единичной человѣческой личности въ социализмѣ шло противъ самого основнаго его вѣрованія. Онъ готовъ былъ сочувственно от-

¹⁾ Т. X, стр. 212.

несть къ представителямъ социализма, если видѣлъ въ нихъ уваженіе къ личности человѣка. Но въ томъ-то и дѣло, что въ большинствѣ социалистическихъ системъ такого уваженія нѣтъ. И въ современномъ социализмѣ, еще не успѣвшемъ осуществить ни одного изъ своихъ пожеланій, отдѣльная личность всецѣло подавляется партійной дисциплиной; революціонный социализмъ къ избитымъ словамъ *liberté, égalité et fraternité* откровенно прибавляетъ: *ou la mort*. А какое ужъ тутъ уваженіе къ личности человѣка и его индивидуальной свободѣ, когда ему говорятъ: «братство или голову долой»?

Второй пунктъ, на которомъ стоялъ Достоевскій при оцѣнкѣ социализма, была національная идея, вѣра въ русскую народность и ея высокое призваніе. Социализмъ, особенно современный намъ, оторванъ отъ родной національной почвы, онъ весь проникнутъ идеей космополитизма. Какъ единичная личность, такъ и каждая отдѣльная народность теряютъ здѣсь свое самостоятельное значеніе и приносятся въ жертву идеѣ общечеловѣческаго блага. Напротивъ, Достоевскій глубоко вѣрилъ, что нѣтъ и не можетъ быть ни прогресса, ни счастья безъ приобщенія себя къ опредѣленной національности, безъ признанія себя ея членомъ. Онъ былъ страстный народникъ; любовь къ русскому народу у него доходила не только до восторженности, но въ нѣкоторомъ отношеніи до муки, до страданія. Не даромъ его рѣчь на пушкинскомъ праздникѣ о великомъ предназначеніи русскаго народа произвела такое потрясающее впечатлѣніе на слушателей.

Но это націонализмъ не узкій, не замкнутый въ себѣ; это не горделивая самонадѣянность, не любованье собою, а глубокая вѣра въ себя и въ свои силы при сознаніи всѣхъ своихъ дефектовъ и слабостей. Онъ не говорилъ, какъ

говорятъ теперь представители узко реакціонныхъ взглядовъ: Россія для русскихъ. Напротивъ, онъ видѣлъ высшее назначеніе Россіи въ служеніи всему человѣчеству, въ созиданіи вселенскаго блага на основахъ Христовой любви. «Назначеніе русскаго человѣка, говорилъ Достоевскій при юбилейномъ чествованіи Пушкина, есть безспорно всевропейское и всемірное. Стать настоящимъ русскимъ, стать полною русскимъ, можетъ быть, и значить только стать братомъ всѣхъ людей, *всечеловѣкомъ*, если хотите.. И въ послѣдствіи,—я вѣрю въ это,—мы, то-есть, конечно, не мы, а будущіе грядущіе русскіе люди, поймутъ уже все до единого, что стать настоящимъ русскимъ и будетъ именно значить: стремиться внести примиреніе въ европейскія противорѣчія уже окончательно, указать исходъ европейской тоскѣ въ своей русской душѣ, *всечеловѣчной* и всеобъединяющей, вмѣстить въ нее съ братскою любовью всѣхъ нашихъ братьевъ, а въ концѣ концовъ, можетъ быть, и изречь окончательное Слово великой общей гармоніи, братскаго окончательнаго согласія всѣхъ племенъ по Христову евангельскому закону. Знаю, слишкомъ знаю, что слова мои могутъ показаться восторженными, преувеличенными и фантастическими. Пусть, но я не раскаиваюсь, что ихъ высказалъ. Да и высказывалась уже эта мысль не разъ; я ничуть не новое говорю. Главное, все это покажется самонадѣяннымъ: «это намъ-то, дескать, нашей-то нищей, нашей-то грубой землѣ такой удѣлъ? Это намъ-то предназначено въ человѣчествѣ высказать новое слово?» Что-же, развѣ я про эконсмическую славу говорю, про славу меча или науки? Я говорю лишь о братствѣ людей и о томъ, что ко всемірному, ко *всечеловѣчески-братскому* единенію сердце русское, можетъ быть, изъ всѣхъ народовъ наиболѣе предназначено; вижу слѣды

сего въ нашей исторіи, въ нашихъ даровитыхъ людяхъ, въ художественномъ гениі Пушкина. Пусть наша земля нищая, но эту нищую землю въ рабскомъ видѣ исходиль, благословляя, Христосъ.» Почему же намъ не вмѣстить послѣдняго слова Его?»¹⁾

У Достоевскаго все это не голосъ только сердца и безотчетной вѣры, но голосъ глубокаго и искренняго убѣжденія. Нельзя идти впередъ, думаетъ онъ, по пути политическаго и соціальнаго благоустройства, не вѣря въ высокое призваніе своего народа. «Всякій великій народъ вѣрять и долженъ вѣрять, если только хочетъ быть долго живъ, что въ немъ-то, и только въ немъ одномъ, и заключается спасеніе міра, что живетъ онъ на то, чтобы стоять во главѣ народовъ, приобщить всѣхъ къ себѣ воедино и вести ихъ, въ согласномъ хорѣ, къ окончательной цѣли, всѣмъ имъ предназначенной. Я утверждаю, что такъ было со всѣми великими націями міра, древнѣйшими и новѣйшими, что только эта лишь вѣра и возвышала ихъ до возможности каждую, имѣть, въ свои сроки, огромное міровое вліяніе на судьбы человѣчества... Скажутъ, что подобныя безумныя и гордыя идеи достойны не подражанія, а, напротивъ, искорененія свѣтомъ разума, уничтожающаго предрасудки. Положимъ, что съ одной стороны это очень правда; но все же тутъ надо непременно посмотрѣть и съ другой стороны, и тогда выйдетъ не только не унижительно, а даже совсѣмъ напротивъ. Что въ томъ, что не жившій еще юноша мечтаетъ про себя современемъ стать героемъ? Повѣрьте, что такія, пожалуй, гордыя и заносчивыя мечты могутъ быть гораздо живительнѣе и полезнѣе этому юношѣ, чѣмъ иное

¹⁾ Т. XI, стр. 469—470.

благоразуміе того отрока, который уже въ шестнадцать лѣтъ вѣритъ премудрому правилу, что „счастье лучше богатства.“ Повѣрьте, что жизнь этого юноши даже послѣ прожитыхъ уже бѣдствій и неудачъ, въ цѣломъ будетъ все-таки краше, чѣмъ успокоенная жизнь мудраго товарища дѣтства его, хотя бы тому всю жизнь суждено было сидѣть на бархатѣ. Такая вѣра въ себя не безнравственна и вовсе не пошлое самохвальство. Такъ точно и въ народахъ: пусть есть народы благоразумные, честные и умѣренные, спокойные, безъ всякихъ порывовъ, торговцы и караблестроители, живущіе богато и съ чрезвычайною опрятностью; ну, и Богъ съ ними; все же далеко они не пойдутъ; непременно выйдетъ середина, которая ничѣмъ не сослужитъ человѣчеству: этой энергіи въ нихъ нѣтъ, великаго самомнѣнія этого въ нихъ нѣтъ, трехъ этихъ шевелящихся китовъ подъ ними нѣтъ, на которыхъ стоятъ всѣ великіе народы. Вѣра въ то, что хочешь и *можешь* сказать послѣднее слово міру, что обновишь, наконецъ, его избыткомъ живой силы своей, вѣра въ святость своихъ идеаловъ, вѣра въ силу своей любви и жажды служенія человѣчеству,—нѣтъ, такая вѣра есть залогъ самой высшей жизни націй, и только ею они и принесутъ всю ту пользу человѣчеству, которую предназначено имъ принести, всю ту часть жизненной силы своей и органической идеи своей, которую предназначено имъ самой природой, при созданіи ихъ, удѣлить въ наслѣдство грядущему человѣчеству. Только сильная такой вѣрой нація и имѣетъ право на высшую жизнь ¹⁾... Если общечеловѣчность есть идея національная русская, то прежде всего надо каждому стать русскимъ, т. е. самимъ собой. Стать

¹⁾ Т. XI, стр. 18—21.

русскимъ значить перестать презирать народъ свой. Мы убѣдимся тогда, что настоящее соціальное слово несетъ въ себѣ никто иной, какъ народъ нашъ, что въ идеѣ его, въ духѣ его заключается живая потребность всеединенія человеческого, всеединенія уже съ полнымъ уваженіемъ къ національнымъ личностямъ и къ сохраненію ихъ, къ сохраненію полной свободы людей и съ указаніемъ, въ чемъ именно эта свобода и заключается, единеніе любви, *гарантированное* уже дѣломъ, живымъ примѣромъ, потребностью на дѣлѣ истиннаго братства, а не гильотиной, не милліонами отрубленныхъ головъ“¹⁾

Понятное дѣло, что Достоевскій, хотя и предвидѣлъ будущую великую роль социализма, но не могъ никакъ оправдать его съ точки зрѣнія своихъ націоналистическихъ взглядовъ. Онъ видѣлъ въ немъ что-то враждебное дорогой для него національной идеѣ и считалъ его опаснымъ тормазомъ въ дѣлѣ развитія народнаго самосознанія. „Социализмъ, говоритъ онъ, обезличиваетъ національное начало и подѣдаетъ національность въ самомъ корнѣ.“²⁾

III.

Трудно было помириться Достоевскому съ современнымъ социализмомъ и потому, что онъ видѣлъ въ немъ проявленіе антихристіанскаго начала. Увлечаться экономическимъ социализмомъ могутъ, по его мнѣнію, только люди, порвавшіе связь съ религіозными вѣрованіями. „Если бы, говоритъ онъ, Алеша Карамазовъ порѣшилъ, что безсмертія и Бога нѣтъ, то сейчасъ бы пошелъ въ социалисты; ибо социализмъ есть

¹⁾ Т. XI. стр. 26.

²⁾ Т. XI, стр. 194.

не только рабочій вопросъ, или такъ называемаго четвертаго сословія, но по преимуществу есть атеистическій вопросъ, вопросъ современнаго воплощенія атеизма, вопросъ Вавилонской бапти, строящейся именно безъ Бога, не для достиженія небесъ съ земли, а для сведенія небесъ на землю“¹⁾. Вѣра въ великое культурное значеніе христіанства стояла у Достоевскаго въ тѣсной связи съ его національною идеей: чѣмъ больше онъ проникался національными чаяніями и вѣрованіями въ великое призваніе русскаго народа, тѣмъ яснѣе становилось для него значеніе христіанства въ нравственномъ прогрессѣ человѣчества. Безъ Христа жизнь не можетъ идти впередъ правильнымъ путемъ; поэтому, если человѣчеству и можно чѣмъ нибудь спастись отъ неправды, зла жизни, безчеловѣчнаго гнета и власти сильнаго надъ слабымъ, то только возрождающимъ ученіемъ Христа. Только въ Евангеліи указанъ надежный путь къ всестороннему обновленію жизни; только оно даетъ какъ отдѣльной личности, такъ и цѣлымъ народамъ, свѣтлую радость, истинное утѣшеніе и высшій смыслъ жизни. Гдѣ Христосъ, тамъ и жизнь, гдѣ нѣтъ Его, тамъ разложеніе, тлѣніе и смерть, тамъ вражда, злоба и человѣконенавистничество. Мечты о преобразованіи соціальнаго строя на началахъ свободы, равенства и братства такъ и останутся мечтами, если въ основу жизни не будутъ положены принципы евангельской правды и любви.

Признавая исключительное вліяніе христіанства на всѣ стороны человѣческой жизни и человѣческаго общежитія, Достоевскій готовъ былъ поставить и самое государство въ подчиненное положеніе къ церкви. По теоріи, развиваемой

¹⁾ Т. XII, стр. 31.

Иваномъ Карамазовымъ, Христова церковь, хотя бы она и вступала въ государство, можетъ преслѣдовать только *свои* высшія цѣли, и одною изъ такихъ цѣлей является обращеніе всего міра, а стало быть и всего государства въ церковь. Такимъ образомъ „не церковь должна искать себѣ опредѣленнаго мѣста въ государствѣ, какъ „всякій общественный союзъ“ или какъ «союзъ людей для религіозныхъ цѣлей», а, напротивъ, всякое земное государство должно бы въ послѣдствіи обратиться въ церковь вполнѣ, и стать не чѣмъ инымъ, какъ лишь церковью, и уже отклонивъ всякія несходныя съ церковными цѣли“. Нужно, чтобы не церковь перерождалась въ государство, какъ низшее въ высшее, что имѣло мѣсто въ католичествѣ, а государство должно кончить тѣмъ, чтобы «сподобиться стать единственно лишь церковью». Тогда дѣйствовалъ бы только судъ церкви, который повліялъ бы на исправленіе преступника такъ, какъ никогда не вліялъ гражданскій судъ; можетъ быть тогда и самыя преступления уменьшились бы до невѣроятнаго ¹⁾. Это теорія Ивана Карамазова въ существѣ дѣла была чаяніемъ и самого Достоевскаго, такъ какъ ее подтверждаетъ и выразитель его затаенныхъ думъ старецъ Зосима словами: «буди, буди!»

Но Достоевскій, увлекаясь до нѣкоторой крайности національною идеею, видѣлъ высшее выраженіе христіанства только въ русскомъ православіи. Онъ вовсе не закрывалъ глазъ на очевидныя нестроенія русской церкви и прямо заявлялъ, что со времени Петра она находится въ параличѣ. Но для него были дороги тѣ христіанскія основы, на которыя опирается православіе; только въ немъ евангельская истина по его мнѣнію воспринята въ своемъ высшемъ, божественномъ

¹⁾ Т. XII, стр. 74—79.

смыслѣ. Въ этомъ отношеніи римскій католицизмъ составля-
 етъ для него полную противоположность православію; этотъ
 католицизмъ подчинилъ святую истину Христа земнымъ,
 грѣховнымъ и низменнымъ цѣлямъ. Тамъ отъ евангелія ни-
 чего не осталось, кромѣ имени; вся энергія, всѣ помыслы
 руководителей католицизма ушли на то, чтобы захватить и
 упрочить въ своихъ рукахъ власть надъ совѣстью вѣрую-
 щихъ. Вражда Достоевскаго противъ римскаго католицизма
 доходитъ до того, что онъ готовъ признать его только по
 имени христіанскою церковью; тамъ нѣтъ Христа, ибо Его
 мѣсто занялъ папа, полновластный распорядитель не только
 всѣми дѣлами церкви, но и самую истину. Припомните
 «Великаго Инквизитора» изъ «Братьевъ Карамазовыхъ»;
 вѣдь это не что иное, какъ олицетвореніе католичества и
 его непогрѣшимаго владыки-папы. «Все, говоритъ Инквизи-
 торъ явившемуся на землю Христу, все передано Тобою
 папѣ и все, стало быть, теперь у папы, а Ты хоть и не
 приходи теперь вовсе, не мѣшай, до времени—но крайней
 мѣрѣ. Къ чему же теперь пришелъ намъ мѣшать? И что
 Ты молча и проникновенно глядишь на меня кроткими гла-
 зами своими? Разсердись, я не хочу любви Твоей, потому что
 самъ не люблю Тебя. И что мнѣ скрывать отъ Тебя? Или
 я не знаю, съ кѣмъ говорю? То, что имѣю сказать Тебѣ, все
 Тебѣ уже извѣстно, я читаю это въ глазахъ Твоихъ. И я
 ли скрою отъ Тебя тайну нашу? Можетъ быть, Ты именно
 хочешь услышать ее изъ устъ моихъ? Слушай же: мы не съ
 Тобой, а съ *нимъ*, вотъ наша тайна! Мы давно уже не съ
 Тобой, а съ *нимъ*, уже восемь вѣковъ. Ровно восемь вѣковъ
 назадъ, какъ мы взяли отъ *него* то, что Ты съ негодованіемъ
 отвергъ, тотъ послѣдній даръ, который онъ предлагалъ Тебѣ,
 ищущая въ пустынѣ и показавъ Тебѣ всѣ царства земныя:

мы взяли отъ него Римъ и мечъ Кесаря и объявили себя царями земными, царями едиными, хотя и доннынѣ не успѣли еще привести наше дѣло къ полному окончанію. Но царство наше созиждется. Завтра же увидишь это послушное стадо, которое по первому мановенію моему бросится подгрѣбать горячіе угли къ костру Твоему, на которомъ сожгу Тебя за то, что пришелъ намъ мѣшать. Ибо если былъ, кто всѣхъ болѣе заслужилъ нашъ костеръ, то это Ты. Завтра сожгу Тебя“ 1)

Въ ненависти къ папизму дальше идти, кажется, некуда. Кромѣ желанія власти, господства надъ порабощеннымъ народомъ, земныхъ грязныхъ благъ, вплоть до физическаго разврата, тамъ ничего нѣтъ, никакой христіанской идеи. Такое отношеніе Достоевскаго къ католицизму въ нѣкоторой мѣрѣ объясняетъ и его нетерпимость къ социализму. Дѣло въ томъ, что Достоевскій почему-то находилъ генетическую преемственность между католичествомъ и социализмомъ. Такъ какъ послѣдній зародился на западѣ, въ католическихъ странахъ, то ему казалось, что связь социализма съ католическими тенденціями не хронологическая только, не основанная только на принципѣ: *post hoc ergo propter hoc*, а связь чисто внутренняя, причинная. Социализмъ есть плоть отъ плоти и кость отъ костей католицизма. Исказивъ идею Христа, онъ, т. е. католицизмъ, привелъ западный міръ на путь отрицанія Христа, на путь безбожія, потому что не могъ же этотъ міръ помириться съ тѣмъ искаженнымъ лицомъ Христа, какому доселѣ поклонялась католическая церковь. А на почвѣ этого безбожія и выросъ социализмъ. „Когда католическое челоуѣчество отвернулось отъ того чудовищнаго

раза, въ которомъ имъ представили наконецъ Христа, то слѣдѣлаго ряда вѣковъ протестовъ, реформацій и проч. ились наконецъ, съ начала нынѣшняго (т. е. 19-го) столѣтія, попытки устроиться внѣ Бога и внѣ Христа. Не имѣя инстинкта пчелы или муравья, безошибочно и точно издающихъ улей и муравейникъ, люди захотѣли создать что въ родѣ человѣческаго безошибочнаго муравейника. Не имѣя инстинкта животныхъ, по которому тѣ живутъ и траиваютъ жизнь свою безошибочно, люди гордо возназялись на науку, забывъ, что для такого дѣла, какъ создать общество, наука еще все равно, что въ пеленкахъ. Явились мечтанія. Но за мечтателями явились вскорѣ уже другія ученія, простыя и понятныя всѣмъ, въ родѣ: „огрѣбить богатыхъ, залить міръ кровью, а тамъ какъ нибудь *ямо собою все вновь устроится*“. Наконецъ, пошли дальше этихъ учителей, явилось ученіе анархіи, за которою, еслибъ она могла осуществиться, навѣрно бы начался вновь періодъ антропофагіи и люди принуждены были бы начинать опять все сначала, какъ тысячъ за десять лѣтъ назадъ“.

Но Достоевскій въ своемъ неуваженіи къ католицизму не останавливается даже и на этомъ. Ему кажется, что капитализмъ въ своемъ стремленіи къ власти надъ народомъ пойдетъ до полного сліянія съ тѣмъ социализмомъ, который совершенно отвергъ Христа. Для католицизма всѣ средства хороши, лишь бы они вели къ упроченію земного господства папы. „Социализмъ, говоритъ Достоевскій, есть сила ядущая для всей Западной Европы; и если папство когда нибудь будетъ покинуто и отброшено правительствами міра, то весьма и весьма можетъ случиться, что оно бросится объятія социализма и соединится съ нимъ во-едино. Папство выйдетъ ко всѣмъ нищимъ нѣмъ и босъ и скажетъ, что

все, чему учать и чего хотятъ социалисты, давно уже есть въ Евангеліи, что до сихъ поръ лишь время не наступило имъ про это узнать, а теперь наступило, и что онъ, папа, отдаетъ имъ Христа и вѣрять въ муравейникъ. Римскому католичеству (слишкомъ ужъ ясно это) нуженъ не Христосъ, а всемірное владычество: „Вамъ-де надо единеніе противъ врага; соединитесь подъ моею властію, ибо я одинъ *всемиренъ* изъ всѣхъ властей и властителей міра, и пойдёмъ вмѣстѣ ¹⁾. У васъ нѣтъ центра, порядка въ веденіи дѣла, вы раздробленная по всему міру сила, а теперь и придавленная. Я буду единеніемъ вашимъ и привлеку къ вамъ и всѣхъ тѣхъ, кто въ меня еще вѣруетъ. Такъ или этакъ, а соединеніе произойдетъ. Католичество умирать не хочетъ, социальная же революція и новый социальный періодъ въ Европѣ тоже несомнѣненъ: двѣ силы несомнѣнно должны согласиться, два теченія слиться. Разумѣется, католичеству даже выгодна будетъ рѣзня, кровь, грабежъ и хотя бы даже антропофагія. Тутъ-то оно и можетъ надѣяться поймать на крючокъ, въ мутной водѣ, еще разъ свою рыбу, предчувствуя моментъ, когда, наконецъ, измученное хаосомъ и безправицей челоуѣчество бросится къ нему въ объятія, и оно очутится вновь, но уже всецѣло и наяву, нераздѣльно ни съ кѣмъ и единолично, «земнымъ владыкою и авторитетомъ міра сего» и тѣмъ окончательно уже достигнетъ цѣли своей. Картина эта, увы, не фантазія. Я положительно удостоуѣряю, что ее уже прозирають очень и очень многіе на Западѣ“. ¹⁾

Эта мысль о превращеніи римскаго папы въ сильнаго и мощнаго вождя социализма должна быть признана, несмотря

¹⁾ Т. XI, стр. 391.

на завѣреніе Достоевскаго въ ея правдоподобности и осуществимости, по меньшей мѣрѣ слишкомъ фантастической, а то и прямо несерьезной. У самого Достоевскаго она подѣ влияніемъ переживавшихся настроеній варіировалась на различные лады. Въ романѣ „Бѣсы“ Петръ Степановичъ Верховенскій хочетъ отдать роль вождя социализма вмѣсто папы самозванцу Ивану Царевичу. „Знаете-ли, говоритъ онъ Ставрогину, котораго онъ и хочетъ выдать за Ивана Царевича,—знаете-ли, я думалъ отдать міръ папѣ. Пусть онъ выйдетъ нѣмъ и босъ и покажется черни: „Вотъ, дескать, до чего меня довели!“—и все повалить за нимъ, даже войско. Надо только, чтобы съ папой Internationale согласилась, такъ и будетъ. А старикашка согласится мигомъ. Да другого ему и выхода нѣтъ, вотъ помяните мое слово. Но я бросилъ папу. Папа будетъ на Западѣ, а у насъ, у насъ будете вы. Вы именно таковъ, какого надо. Вы предводитель, вы солнце, а я вашъ червякъ. Мы пустимъ пожары. Мы пустимъ легенды. Ну-съ, и начнется смута! Раскачка такая пойдетъ, какой еще міръ не видалъ. Затуманится Русь, заплачетъ земля по старымъ богамъ... Ну-съ, тутъ-то мы и пустимъ Ивана Царевича, т. е. вѣсь, васъ. Мы скажемъ, что онъ „скрывается“. Знаете-ли вы, что значитъ это слово: «онъ скрывается»? Но онъ явится, явится. Мы пустимъ легенду получше, чѣмъ у скопцевъ. И застонетъ стономъ земля: «новый правый законъ идетъ», и взволнуется море, и рухнетъ балаганъ, и тогда подумаемъ, какъ бы поставить строеніе каменное“ 1).

Конечно, это только грезы изступленнаго честолюбца Верховенскаго, увлекающагося оригинальною идеею. Можетъ

1) Т. VII, стр. 405, 408—409.

быть мысль и Достоевскаго о римскомъ папѣ въ роли всемірнаго вождя социализма есть только мечта, въ реальность которой едва-ли глубоко онъ самъ вѣрилъ. Но мы останавливаемся на этой мечтѣ, чтобы выяснитъ отношеніе Достоевскаго къ социализму. Онъ съ нескрываемою враждою относился къ римскому католицизму, и поэтому съ большимъ предубѣжденіемъ смотрѣлъ и на социализмъ, который, по его мнѣнію, могъ вырости только на почвѣ католическаго извращенія христіанской идеи. Въ данномъ случаѣ имъ руководило исключительно только чувство, а не вдумчивая оцѣнка фактовъ. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ отрицать совершенно наличность христіанской идеи въ католичествѣ. Какъ ни много въ немъ наслоеній, чуждыхъ христіанству, но не всѣмъ умерло здѣсь и исповѣданіе Христа въ Его подлинномъ, евангельскомъ образѣ.

Признавая законъ исторической преемственности, нельзя, конечно, отрицать генетическую связь социализма съ католичествомъ. Но вліяніе католичества на социализмъ было не только отрицательнымъ, а и положительнымъ. Это оно привило западному міру чувство состраданія ко всѣмъ страждущимъ и обездоленнымъ. На почвѣ этого состраданія и выросъ социализмъ съ его призывомъ стать на защиту угнетеннаго пролетаріата. Хотя онъ и порвалъ связь не только съ христіанствомъ, но и вообще со всякою религіею, однако въ основной своей идеѣ,—идеѣ служенія голоднымъ и безправнымъ,—онъ совпадаетъ съ кореннымъ принципомъ христіанства. Не будь этого христіанства, въ средѣ людей можетъ быть и не зародилось бы социалистическихъ стремленій передѣлать общественный строй на началахъ правды и равенства.

IV.

До сихъ поръ мы говорили о тѣхъ основныхъ пунктахъ міровоззрѣнія Достоевскаго, которые стоятъ въ глубокомъ противорѣчii съ нѣкоторыми принципами социализма. Можетъ быть эта принципиальная точка зрѣнія и заставила Достоевскаго отрицательно отнестись къ социализму. Но и въ практическихъ задачахъ социализма онъ видѣлъ съ одной стороны или только утопическія мечты, или проявленіе сравнительно очень не высокихъ нравственныхъ идеаловъ.

Современный социализмъ, по мнѣнію Достоевскаго, представляетъ собою только теорію, много обѣщающую, но совершенно неосуществимую. Разнообразную и до безконечности сложную жизнь онъ хочетъ подвести подъ опредѣленные формулы, руководясь которыми и думаетъ установить новый порядокъ, новый социальный строй. Почва для социализма исторически дѣйствительно была подготовлена: онъ явился естественнымъ продуктомъ предшествовавшей классовой борьбы. Во Франціи, наприм., со времени первой революціи ожесточеніе низшаго класса противъ буржуазіи постепенно нарастало по мѣрѣ покровительства имущимъ классамъ со стороны правительства. „Конвентъ, въ первую революцію, раздробилъ во Франціи крупную собственность эмигрантовъ и церкви на мелкіе участки и сталъ продавать ихъ, въ виду непрерывнаго тогдашняго финансоваго кризиса. Эта мѣра обогатила громадную часть французовъ. Но, способствовавъ временному благосостоянію, мѣра эта на страшно долгое время парализовала стремленія демократическія, безмѣрно умноживъ армію собственниковъ и предавъ Францію безграничному владычеству буржуазіи,—перваго врага демоса. Но вслѣдствіе этого ожесточился и демосъ уже непримиримо; сама же буржуазія извратила естественный ходъ стремлений

демократических и обратила ихъ въ жажду мести и ненависти. Обособленіе партій дошло до такой степени, что весь организмъ страны разрушился окончательно, даже до устранения всякой возможности возстановить его. Единеніе исчезло окончательно. Но ужаснѣе всего то, что тутъ явилось стремленіе самое жестокое и безчеловѣчное, и уже не фантастическое, а реальное и исторически неминуемое. Все оно выражается въ поговоркѣ: „Ote toi de la, que je m'y mette“ (Прочь съ мѣста, я стану вмѣсто тебя“ ¹⁾).

Но какъ ни было естественно рожденіе социалистическихъ идей, самъ по себѣ социализмъ, какимъ онъ является въ системахъ его представителей, слишкомъ теоретиченъ, слишкомъ оторванъ отъ фактовъ живой дѣйствительности, чтобы онъ могъ заново передѣлать весь социальный строй на практикѣ. Люди возложили всѣ свои надежды на науку: она не ошибется, она все предусмотритъ и создастъ новыя начала общественнаго организма, уже математически твердыя и незыблемыя. „Но наука, на которую столь надѣются, врядъ-ли въ состояніи взяться за это дѣло сейчасъ. Трудно представить, чтобы она уже настолько знала природу человѣческую, чтобы безошибочно установить новыя законы общественнаго организма; а такъ какъ это дѣло не можетъ колебаться и ждать, то представляется самъ собою вопросъ: готова ли наука къ такой задачѣ *сейчасъ*, еслибъ даже эта задача и не превышала силъ ея въ дальнѣйшемъ будущемъ ея развитіи. Такъ какъ наука сама навѣрно отвѣчать на такой призывъ откажется, то отсюда ясно, что всѣмъ движеніемъ демоса управляютъ пока лишь мечтатели, а мечтателями—всевозможные спекулянты. Да и въ самой наукѣ развѣ нѣтъ мечтателей?“ ²⁾

¹⁾ Т. X, стр. 104—105.

²⁾ Т. X, стр. 105.

Это не пренебреженіе къ наукѣ, не потеря вѣры въ ея силу и мощь, а только констатированіе того безспорнаго факта, что душу человѣческую, со всѣми ея разнообразными желаніями, чувствами и настроеніями, никакъ нельзя подвести подъ математическія формулы. Наука взглянула на человѣка слишкомъ ужъ просто и думаетъ внести въ жизнь коренныя улучшенія единственно только путемъ измѣненія экономическихъ условій. Стоитъ только человѣка обезпечить матеріальнымъ довольствамъ и тогда-де не будетъ не только страданія, но и преступленій, не будетъ тѣхъ нравственныхъ безобразій, къ которымъ теперь человѣкъ вынуждается необезпеченностью. Накормите человѣка, устранили отъ него матеріальную нужду, прекратили возможность скопленія богатствъ и земныхъ благъ въ однихъ рукахъ, и черезъ это вы откроете вѣрный путь и къ счастью, и къ культурному развитію, и нравственному улучшенію. Какъ видите, теорія очень простая, но въ силу этой чрезмѣрной простоты она и мало приложима къ человѣческой жизни, законы которой вовсе не такъ просты. „Все у нихъ потому, что „среда заѣла“, и ничего больше. Любимая фраза! Отсюда прямо, что если общество устроить нормально, то разомъ и всѣ преступленія исчезнутъ, такъ какъ не для чего будетъ протестовать, и всѣ въ одинъ мигъ станутъ праведными. Натура не берется въ расчетъ, натура изгоняется, природы не полагается! У нихъ не человечество, развившись историческимъ *живымъ* путемъ до конца, само собою обратится, наконецъ, въ нормальное общество, а напротивъ, социальная система, выйдя изъ какой нибудь математической головы, тотчасъ-же и устроитъ все человечество и въ одинъ мигъ сдѣлаетъ его праведнымъ и безгрѣшнымъ, раньше всякаго живого процесса, безъ всякаго историческаго и живого пути. Оттого такъ и не любятъ они

живого процесса жизни: не надо *живой* души! Живая душа жизни потребует, живая душа не послушается механики, живая душа подозрительна, живая душа ретроградна! А тут хоть и мёртвечиной припахиваетъ, изъ каучука сдѣлать можно, за-то неживая, за-то безъ воли, за-то рабская, не взбунтуется. И выходитъ въ результатѣ, что все на одну только кладку кирпичиковъ, да на расположеніе корридоровъ и комнатъ въ фаланстерѣ свели! Фаланстера-то и готова, да натура-то у васъ для фаланстеры еще не готова, жизни хочеть, жизненного процесса еще не завершила, рано на кладбище! Съ одной логикой нельзя черезъ натуру перескочить! Логика предугадаетъ игры случая, а ихъ миллионъ! Отрѣзать миллионъ и все на одинъ вопросъ о комфортѣ свести! Самое легкое разрѣшеніе задачи! Соблазнительно ясно, и думать не надо! Главное,—думать не надо! Вся жизненная тайна на печатныхъ листкахъ умѣщается!

Съ рѣдкимъ остроуміемъ Достоевскій возражаетъ противъ этихъ теоретическихъ попытокъ построить зданіе человѣческаго благополучія на началахъ научнаго знанія въ „Запискахъ изъ подполья“. Съ перваго взгляда многое здѣсь кажется не серьезнымъ, парадоксальнымъ; но можетъ быть нигдѣ Достоевскій не обнаружилъ такой тонкой проникновенности въ тайники человѣческой души, какъ именно въ этихъ запискахъ. „Человѣкъ, говоритъ обитатель подполья, до того пристрастенъ къ системѣ и къ отвлеченному выводу, что готовъ умышленно исказить правду, готовъ видомъ не видать и слыхомъ не слыхать, только чтобъ оправдать свою логику. О, скажите, кто это первый объявилъ, кто первый провозгласилъ, что человѣкъ потому только дѣлаетъ пакости, что не знаетъ настоящихъ своихъ интересовъ, что ни одинъ человѣкъ не можетъ дѣйствовать, зазнамо, противъ своихъ

собственныхъ выгодъ? О, младенецъ! О, чистое, невинное дитя! Да когда же бывало, во всѣ эти тысячелѣтія, чтобъ человѣкъ дѣйствовалъ только изъ одной своей собственной выгоды? Вѣдь вы, господа, сколько мнѣ извѣстно, весь вашъ реестръ человѣческихъ выгодъ взяли среднимъ числомъ изъ статистическихъ цифръ и изъ научно-экономическихъ формулъ. Вѣдь ваши выгоды, это—благоденствіе, богатство, свобода, покой, ну, и такъ далѣе, и такъ далѣе, такъ что человѣкъ, который бы, напимѣръ, явно и зазнамо прошелъ противъ всего этого реестра, былъ бы по вашему, ну, да и, конечно, по моему, обскурантъ или совсѣмъ сумасшедшій, такъ ли? Но, вѣдь, вотъ что удивительно: отчего это такъ происходитъ, что всѣ эти статистики, мудрецы и любители рода человѣческаго, при исчисленіи человѣческихъ выгодъ, постоянно одну выгоду пропускаютъ? Да и въ расчетъ ее не берутъ въ томъ видѣ, въ какомъ ее слѣдуетъ брать, а отъ этого и весь расчетъ зависитъ. Бѣда бы не велика, взять бы ее, эту выгоду, да и занести въ списокъ. Но въ томъ то и пагуба, что эта мудреная выгода ни въ какую классификацію и ни въ одинъ списокъ не умѣщается.“

„Вы скажете, что человѣкъ еще далеко не приучился поступать такъ, какъ ему разумъ и науки указываютъ, но что онъ непременно приучится, когда совсѣмъ пройдутъ кой-какія старыя, дурныя привычки, и когда здравый смыслъ и наука вполне перевоспитаютъ и нормально направятъ натуру человѣческую. Вы увѣрены, что тогда человѣкъ и самъ перестанетъ *добровольно* ошибаться и, такъ сказать, поневолѣ не захочетъ рознить свою волю съ нормальными своими интересами. Мало того: тогда, говорите вы, сама наука научитъ человѣка, что ни воли, ни каприза на самомъ-то дѣлѣ у него и нѣтъ, да никогда и не бывало, а что онъ самъ

не болѣе, какъ нѣчто въ родѣ фортепіанной клавиши или органнаго штифтика; и что сверхъ того—на свѣтѣ есть еще законы природы; такъ что все, что онъ ни дѣлаетъ, дѣлается вовсе не по его хотѣнію, а само собою, по законамъ природы. Слѣдственно, эти законы природы стоитъ только открыть, и ужъ за поступки свои человѣкъ отвѣчать не будетъ и жить ему будетъ чрезвычайно легко. Всѣ поступки человѣческіе, само собою, будутъ расчислены тогда по этимъ законамъ математически, въ родѣ таблицы логариѣмовъ, до 108,000 и занесены въ календарь; или, еще лучше того, появятся нѣкоторыя благонамѣренныя изданія, въ родѣ теперешнихъ энциклопедическихъ лексиконовъ, въ которыхъ все будетъ такъ точно исчислено и обозначено, что на свѣтѣ уже не будетъ болѣе ни поступковъ, ни приключеній.“

„Тогда-то настанутъ новыя экономическія отношенія, совсѣмъ ужъ готовыя и тоже вычисленныя съ математическою точностью, такъ что въ одинъ мигъ исчезнутъ всевозможные вопросы собственно потому, что на нихъ получатся всевозможные отвѣты. Тогда выстроится хрустальный дворець. Тогда... Ну, однимъ словомъ, тогда прилетитъ птица Каганъ. Конечно, никакъ нельзя гарантировать, что тогда не будетъ, на примѣръ, ужасно скучно (потому что что-жъ и дѣлать-то, когда все будетъ расчислено по табличкѣ), зато все будетъ чрезвычайно благоразумно. А отъ скуки чего не выдумаешь. Вѣдь глупъ человѣкъ, глупъ феноменально. То есть онъ хоть и вовсе не глупъ, но ужъ за то неблагодаренъ такъ, что поискать другого, такъ не найти. Вѣдь я, на примѣръ, нисколько не удивлюсь, если вдругъ ни съ того, ни съ сего, среди всеобщаго будущаго благоразумія возникнетъ какой-нибудь джентльменъ, съ неблагородной или, лучше сказать, съ ретроградной и насмѣшливой фізіономіей, уреть руки

въ боки и скажетъ намъ всѣмъ: а что, господа, не столкнутъ ли намъ все это благоразуміе съ одного разу, ногой, прахомъ, единственно съ тою цѣлью, чтобъ всѣ эти логариемы отправились къ чорту и чтобъ намъ опять по своей глупой волѣ пожить! Это бы еще ничего, но обидно то, что вѣдь непременно послѣдователей найдеть: такъ человѣкъ устроенъ. И все это отъ самой пустѣйшей причины, о которой бы, кажется, и упоминать не стоитъ: именно оттого, что человѣкъ, всегда и вездѣ, кто бы онъ ни былъ, любилъ дѣйствовать такъ, какъ хотѣлъ, а вовсе не такъ, какъ повелѣвали ему разумъ и выгода. Свое собственное, вольное и свободное хотѣнье, свой собственный, хотя бы самый дикій капризь, своя фантазія, раздраженная иногда хоть бы даже до сумасшествія,—вотъ это-то все и есть та самая, пропущенная, самая выгодная выгода, которая ни подъ какую классификацію не подходитъ и отъ которой всѣ системы и теоріи постоянно разлетаются къ чорту. И съ чего это взяли всѣ эти мудрецы, что человѣку надо какого-то нормального, какого-то добродѣтельного хотѣнья? Человѣку надо одного только *самостоятельнаго* хотѣнья, чего бы эта самостоятельность ни стоила и къ чему бы ни привела.“

„Чего же можно ожидать отъ человѣка? Да осыпьте его всѣми земными благами, утопите въ счастіѣ съ головой, такъ, чтобы только пузырьки вскакивали на поверхности счастія, какъ на водѣ; дайте ему такое экономическое довольство, чтобъ ему совсѣмъ ужъ ничего больше не оставалось дѣлать, кромѣ какъ спать и кушать пряники,—такъ онъ вамъ и тутъ, человѣкъ-то, и тутъ, изъ одной неблагодарности, изъ одного пасквиля мерзость сдѣлаеть. Рискнетъ даже пряниками и нарочно пожелаетъ самага пагубнаго вздора, самой неэкономической безсмыслицы, единственно для того, чтобы ко всему

этому положительному благоразумію примѣшать свой пагубный фантастическій элементъ. Мало того: даже въ томъ случаѣ, если бы онъ дѣйствительно оказался фортепіанной клавишей, еслибъ это доказать ему даже естественными науками и математически, такъ и тутъ не образумится, а нарочно, напротивъ, что нибудь сдѣлаеть, единственно изъ одной неблагодарности; собственно, чтобъ настоять на своемъ. Вы кричите мнѣ, что вѣдь тутъ никто съ меня воли не снимаетъ; что тутъ только и хлопочуть какъ нибудь такъ устроить, чтобъ воля сама, своей собственной волей, совпала съ моими нормальными интересами, съ законами природы и съ ариѳметикой.—Эхъ, господа! Какая ужъ тутъ своя воля будетъ, когда дѣло доходить до таблички и до ариѳметики, когда будетъ одно только дважды два четыре въ ходу? Дважды два и безъ моей воли четыре будетъ. Такая ли своя воля бываетъ?“

„И почему вы такъ твердо, такъ торжественно увѣрены, что только одно благоденствіе человѣку выгодно? Не ошибается-ли разумъ-то въ выгодахъ? Вѣдь, можетъ быть, человѣкъ любить не одно благоденствіе? Можетъ быть, онъ ровно настолько же любить страданіе? Можетъ быть, страданіе-то ему ровно настолько же и выгодно, какъ благоденствіе? А человѣкъ иногда ужасно любить страданіе, до страсти, и это фактъ. Что касается до моего личнаго мнѣнія, то любить только одно благоденствіе даже какъ-то и неприлично. Вы вѣрите въ хрустальное зданіе, навѣки нерушимое. Ну, а я, можетъ быть, потому-то и боюсь этого зданія, что оно хрустальное и навѣки нерушимое, и что нельзя будетъ даже и украдкой языка ему выставить. Я не приму за вѣнецъ желаній моихъ капитальный домъ, съ квартирами для бѣдныхъ жильцовъ по контракту на тысячу лѣтъ. Уничтожьте мои

желанія, сотрите мои идеалы, покажите мнѣ что-нибудь лучше, и я за вами пойду. А покажѣсть я еще живу и желаю,— да отсохни у меня рука, коль я хоть одинъ кирпичекъ на такой капитальный домъ принесу“ 1).

Повторяемъ: много здѣсь на первый взглядъ парадоксальнаго, много не серьезнаго, много такого, что могло прійти въ голову только подпольнаго человѣка. Но мы нигдѣ не встрѣчали такого тонкаго, такого глубоко-проникновеннаго анализа ничѣмъ не уничтожимыхъ стремленій человѣка къ личному самоопредѣленію, къ индивидуальной независимости, самобытности и свободы. Намъ кажется, что думы подпольнаго человѣка въ самомъ корнѣ подрываютъ основы экономическаго матеріализма, на которомъ собственно и зиждется современный социализмъ. Вся и ошибка здѣсь въ томъ, что человѣкъ разсматривается, какъ животное, нуждающееся только въ кормѣ, одеждѣ и жилищѣ. Здѣсь нѣтъ психологій человѣка, здѣсь не хотятъ считаться съ такими его стремленіями, которыя не могутъ быть удовлетворены никакимъ матеріальнымъ довольствомъ. Истинное счастье человѣка и полная его матеріальная обеспеченность часто не только не стоятъ въ причинной зависимости между собою, но наоборотъ: пресыщеніе матеріальными благами въ большинствѣ случаевъ ведетъ къ полному разочарованію жизни. Пессимистическое настроеніе чаще всего встрѣчается именно въ средѣ наиболѣе обеспеченныхъ классовъ общества, тогда какъ простой народъ, подавленный безысходною нуждою, въ большинствѣ случаевъ сохраняетъ свѣтлый взглядъ на жизнь; при ограниченныхъ потребностяхъ онъ довольствуется, какъ праблескомъ счастья, и тою крупицею добра, которую удѣляетъ на его долю не милостивая къ нему судьба.

1) Т. III, 2, стр. 85 - 99.

V.

Матеріалистическая основа современнаго соціализма и заставляла Достоевскаго отрицать въ немъ нравственную высоту и идейность. По видимому въ соціализмѣ выдвигаются, кромѣ экономическихъ, и моральныя основы; здѣсь говорятъ о свободѣ, равенствѣ и братствѣ, которыя должны сдѣлаться основаніемъ будущаго переустройства человѣческихъ обществъ. Но вотъ вопросъ, говоритъ Достоевскій: Откуда возьмешь эту свободу, это равенство и братство, когда ихъ въ наличности нѣтъ, когда для нихъ не подготовлено надлежащей почвы? Вмѣсто равенства и братства всюду „оказывается начало личное, начало особняка, усиленнаго самосохраненія, самопромысленія, самоопредѣленія въ своемъ собственномъ Я“. Утѣшать себя надеждою, что все это придетъ само собою, что человѣчество, экономически обеспеченное, само почувствуетъ нужду въ братствѣ и равенствѣ, значитъ утѣшать себя обманчивою мечтою. Человѣкъ и теперь мечтаетъ о братствѣ и равенствѣ, но чтобы провести эти начала въ жизнь, для этого нужно переродиться. „А такое перерожденіе совершается тысячелѣтіями, ибо подобныя идеи должны сначала въ кровь и плоть войти, чтобы стать дѣйствительностью“. Да и кто знаетъ? Можетъ быть нужда и необезпеченность являются болѣе пригодной почвой для развитія и проведенія въ жизнь этихъ идей?

Это отсутствіе въ современномъ обществѣ наличныхъ основъ свободы, равенства и братства ставитъ соціализмъ въ безвыходное положеніе. Идеинные порывы оказываются въ немъ беспочвенными и легкомысленными, почему онъ и вынуждается опять настаивать на экономическихъ расчетахъ. «Соціалистъ, говоритъ Достоевскій, видя, что братства въ людяхъ нѣтъ, начинаетъ уговаривать на братство. За неимѣ-

ніемъ братства, онъ хочетъ сдѣлать, составить, создать братство, начинаетъ опредѣлять будущее братство, разсчитываетъ на вѣсъ и на мѣру, соблазняетъ выгодой, толкуетъ, учитъ, рассказываетъ, сколько кому отъ этого братства выгоды придется, кто сколько выиграетъ, опредѣляетъ заранѣе расчетъ земныхъ благъ, насколько кто ихъ заслужить и сколько каждый за нихъ долженъ добровольно внести въ ущербъ своей личности въ общину. А ужъ какое тутъ братство, когда заранѣе дѣлятся и опредѣляютъ, кто сколько заслужилъ и что каждому надо дѣлать? Но человѣкъ не идетъ и на эту приманку: кажется, ужъ совершенно гарантируютъ человѣка, обѣщаются кормить, поить его, работу ему доставить, и за это требуютъ съ него только самую капельку личной свободы для общаго блага, самую, самую капельку. Нѣтъ, не хочетъ жить человѣкъ и на этихъ расчетахъ, ему и капелька тяжела. Ему все кажется сдуру, что это острогъ и что самому по себѣ лучше, потому—полная воля. И вѣдь на волѣ бьютъ его, работы ему не даютъ, умираетъ онъ съ голоду и воли у него никакой нѣтъ, такъ нѣтъ-же, все таки кажется чудаку, что своя воля лучше. Разумѣется, социалисту приходится плюнуть и сказать ему, что онъ дуракъ, не доросъ, не созрѣлъ и не понимаетъ своей собственной выгоды; что муравей какой нибудь безсловесный, ничтожный муравей его умнѣе, потому что въ муравейникѣ все такъ хорошо, все такъ разлиновано, всѣ сыты, счастливы, каждый знаетъ свое дѣло, однимъ словомъ: далеко еще человѣку до муравейника». 1)

Ставъ на точку экономического матеріализма, социализмъ не можетъ никакъ отрѣшиться отъ матеріальныхъ расче-

1) Т. III, ч. 2-я, стр. 48—49.

товъ. Всѣ его идеалы поневолѣ должны сводиться къ мечтѣ о хлѣбѣ, о сытости, матеріальномъ довольствѣ. Великій инквизиторъ, говоря со Христомъ о значеніи земного хлѣба, стоитъ въ существѣ дѣла на точкѣ зрѣнія того узкаго социализма, который видитъ въ сытомъ довольствѣ единственный залогъ человѣческаго счастія. Но онъ по крайней мѣрѣ откровенно сознается, что онъ ведетъ людей не къ свободѣ, не къ братству и равенству, а къ кабалѣ, къ полному духовному порабоженію, считая это порабоженіе залогомъ счастья ординарной толпы. „Видишь ли, говоритъ онъ Христу, повторяя слова діавола искушителя, видишь ли сіи камни въ этой нагой и раскаленной пустынѣ? Обрати ихъ въ хлѣбы, и за Тобой побѣжитъ человѣчество, какъ стадо, благодарное и послушное, хотя и вѣчно трепещущее, что Ты отымешь руку Свою и прекратятся имъ хлѣбы Твои. Но Ты не захотѣлъ лишить человѣка свободы и отвергъ предложеніе; ибо какая же свобода, разсудилъ Ты, если послушаніе куплено хлѣбами? Ты возразилъ, что человѣкъ живъ не однимъ хлѣбомъ; но знаешь ли, что во имя этого самого хлѣба земного и возстанетъ на Тебя духъ земли, и сразится съ Тобою, и побѣдитъ Тебя, и всѣ пойдутъ за нимъ, восклицая: «Кто подобенъ звѣрю сему, онъ далъ намъ огонь съ небеси!» Знаешь ли Ты, что пройдутъ вѣка, и человѣчество провозгласитъ устами своей премудрости и науки, что преступленія нѣтъ, а, стало быть, нѣтъ и грѣха, а есть лишь только голодные. „Накорми тогда и спрашивай съ нихъ добродѣтели!“—вотъ что напишутъ на знамени, которое воздвигнуть противъ Тебя и которымъ разрушится храмъ Твой. Намѣстѣ храма Твоего воздвигнется новое зданіе, воздвигнется вновь страшная Вавилонская башня, и хотя и эта не достроится, какъ и прежняя, но все же Ты бы могъ избѣжать

этой новой башни и на тысячу лѣтъ сократить страданія людей; ибо къ намъ же вѣдь придутъ они, промучившись тысячу лѣтъ со своею башней. Они отыщутъ насъ тогда опять подъ землей, въ катакомбахъ, скрывающихся, найдутъ насъ и возопіютъ къ намъ: „Накормите насъ! Ибо тѣ которые обѣщали огонь съ небеси, его не дали“. И тогда уже мы и достроимъ ихъ башню, ибо достроить тотъ, кто накормитъ, а накормимъ лишь мы, во имя Твое, и солжемъ, что во имя Твое. О, никогда, никогда безъ насъ они не накормятъ себя! Никакая наука не дастъ имъ хлѣба, пока они будутъ оставаться свободными; но кончится тѣмъ, что они принесутъ свою свободу къ ногамъ нашимъ и скажутъ намъ: «лучше поработите насъ». Поймутъ, наконецъ, сами, что свобода и хлѣбъ земной вдоволь для всякаго вмѣстѣ невысказанными, ибо никогда, никогда, не сумѣютъ раздѣлиться между собою... Ты отвергъ единственное абсолютное знамя, чтобы заставить всѣхъ преклониться предъ Тобою безспорно, — знамя хлѣба земного, отвергъ во имя свободы и хлѣба небеснаго. Съ хлѣбомъ давалось Тебѣ безспорное знамя: дашь хлѣбъ, и человѣкъ преклонится, ибо ничего нѣтъ безспорнѣе хлѣба» 1).

Достоевскаго прямо бѣсило обольщеніе недалъновидныхъ социалистовъ, будто стоитъ только добиться матеріальнаго довольства, и тогда человѣчеству ничего не останется дѣлать, какъ идти гигантскими шагами по пути моральнаго улучшенія. Его пугала перспектива сытости и обезпеченности, потому что за нею виднѣлась ему полная духовная смерть, полное моральное разложеніе. Пусть, говоритъ онъ, наука указала бы человѣку путь къ полному матеріальному довольству. „О, конечно, сперва всѣ пришли бы въ восторгъ. Люди

1) Т. XII, стр. 300—302.

обнимали бы другъ друга въ упоеніи; они вдругъ почувствовали бы, такъ сказать, себя осыпанными счастьемъ, зарытыми въ матеріальныхъ благахъ; они, можетъ быть, извлекали бы изъ земли баснословные урожаи, создали бы химіей организмы, и говядины хватило бы по три фунта на человѣка, какъ мечтаютъ наши русскіе соціалисты,—словомъ, ѣшь, пей и наслаждайся. „Вотъ, закричали бы все филантропы, теперь, когда человѣкъ обезпеченъ, вотъ теперь только онъ проявитъ себя! Нѣтъ ужъ болѣе матеріальныхъ лишеній, нѣтъ болѣе заѣдающей „среды“, бывшей причиною всѣхъ пороковъ, и теперь человѣкъ станетъ прекраснымъ и праведнымъ! Нѣтъ ужъ болѣе непрерывнаго труда, чтобы какъ нибудь прокормиться, и теперь все займется высшими, глубокими мыслями, всеобщими явленіями. Теперь, теперь только настала высшая жизнь!“ Но врядъ ли и на одно поколѣніе хватило бы этихъ восторговъ. Люди вдругъ увидѣли бы, что жизни уже болѣе нѣтъ у нихъ, нѣтъ свободы духа, нѣтъ воли и личности, что кто-то у нихъ все укралъ; что исчезъ человѣческій ликъ, и насталъ скотскій образъ раба, образъ скотины, съ тою разницею, что скотина не знаетъ, что она скотина, а человѣкъ узналъ бы, что онъ сталъ скотиной. И загнило бы человѣчество: люди покрылись бы язвами и стали кусать языки свои въ мукахъ, увидя, что жизнь у нихъ взята за хлѣбъ, за «камни, обращенные въ хлѣбы». И тогда, можетъ быть, и возопіютъ люди къ Богу: «Правъ Ты, Господи, не единымъ хлѣбомъ живъ человѣкъ!»¹⁾

«Любить только одно благоденствіе даже какъ-то и неприлично», эта была не только мысль подпольнаго обитателя, но и глубокое убѣжденіе самого Достоевскаго. Человѣкъ нуждается и въ страданіи, которое сообщаетъ жизни особен-

1) Т. X, стр. 40—41.

ную высоту и идейность. Достоевскій является апологетомъ страданія, поскольку оно возвышаетъ человѣка надъ животною стороною жизни. Это не значитъ, что онъ оправдывалъ, какъ нормальныя и даже желательныя явленія, муки голодныхъ, томящихся въ подземельяхъ и т. д. Нѣтъ, не за такія страданія стоялъ Достоевскій, потомучто они только подавляютъ человѣка, отнимаютъ у него вѣру въ добро и озлобляютъ его противъ жизни и людей. Бываютъ такія страданія, которыя очищаютъ, обновляютъ и перерождаютъ человѣка, и предъ такими страданіями Достоевскій преклонялся, какъ предъ великою морально-созидающею силой. Безъ этихъ страданій для человѣка наступаетъ полная нравственная смерть; безъ нихъ жизнь превращается въ непрерывную муку, въ невыразимую пытку. Это была излюбленная мысль Достоевскаго, къ которой онъ возвращался постоянно. Человѣкъ великаго искупающаго страданія окружался въ его глазахъ ореоломъ какого-то особеннаго величія, предъ которымъ нельзя не преклониться. Припомните картины изъ его лучшихъ романовъ „Преступленіе и Наказаніе“ и «Братья Карамазовы.» Когда Раскольниковъ сознался предъ Соней въ своемъ страшномъ преступленіи, она „какъ бы себя не помня, вскочила и, ломая руки, дошла до середины комнаты, а потомъ вдругъ, точно пронзенная, вздрогнула и бросилась, сама не зная для чего, предъ нимъ на колѣна.—Нѣтъ, нѣтъ тебя несчастнѣе никого теперь въ цѣломъ свѣтѣ, воскликнула она, какъ въ изступленіи“ ¹⁾. Это былъ не только ужасъ предъ великимъ страданіемъ, не только преклоненіе передъ нимъ, но и призывъ къ нему, какъ къ залогому будущаго возрожденія. Когда Раскольниковъ сказалъ, что можетъ быть онъ и не сознается въ своемъ преступле-

¹⁾ Т. V, стр. 409—410.

ни, то это поразило Соню еще сильнѣе. «А жить-то, жить-то какъ будешь? говорила она. Страданіе принять и искупить себя имъ, вотъ что надо». 1) И для Раскольникова позоръ предъ обществомъ и мука на каторгѣ были дѣйствительно обновленіемъ къ новой жизни. Точно также старецъ Зосима «поклонился Димитрію Карамазову въ ноги полнымъ, отчетливымъ, сознательнымъ поклономъ, и даже лбомъ своимъ коснулся земли», а потомъ объяснилъ его брату Алешѣ, что онъ «великому будущему страданію поклонился». Дѣйствительно, велико было это страданіе, но вмѣстѣ съ нимъ началось пробужденіе отъ сплошного неистовства къ разумной и осмысленной жизни. Таинственный посѣтитель старца Зосимы, совершившій убійство и четырнадцать лѣтъ таившій это преступленіе въ себѣ изъ боязни позорнаго наказанія, съ увѣренностію говоритъ: «знаю, что наступитъ рай для меня, тотчасъ же и наступитъ, какъ объявлю. Четырнадцать лѣтъ былъ во адѣ. Пострадать хочу. Приму страданіе и жить начну». 2)

И въ страданіи есть своеобразное счастье, потому что не можетъ быть счастья тамъ, гдѣ остается не искупленная страданіемъ вина. Для социализма, основаннаго на экономическомъ матеріализмѣ, подобный взглядъ на страданье является чистою нелѣпостію; здѣсь все сведено къ узкой утилитарно-эвдемонистической точкѣ зрѣнія, которая знаетъ только пользу и наслажденіе.

VI.

Но если цѣли современнаго социализма, основаннаго на экономическомъ матеріализмѣ, не могли быть симпатичными

1) Т. V, стр. 418.

2) Т. XII, стр. 90, 338 и 367.

для Достоевскаго, то онъ еще менѣе могъ помириться съ тѣми средствами, которыми социализмъ можетъ располагать при достиженіи своихъ цѣлей. Имущественное уравненіе людей мирными средствами возможно только при томъ единственномъ условіи, когда въ человѣческомъ обществѣ каждый проникнется полнымъ отреченіемъ отъ личнаго эгоизма и готовностью пожертвовать всѣмъ для блага своего ближняго. Въ Христовой церкви въ первые вѣка христіанства вѣрующіе могли осуществить идею коммунизма только потому, что тогда у всѣхъ было одно сердце и одна душа. При полномъ равнодушіи къ благамъ жизни вѣрующіе продавали свои имѣнія и вырученныя деньги приносили къ ногамъ апостоловъ на общую пользу, на общее святое дѣло. На это толкала ихъ горячая братская любовь.

А теперь, когда люди обособились другъ отъ друга, когда каждый думаетъ только о личномъ обезпеченіи и наслажденіи, развѣ можно надѣяться на то, что имущіе классы проникнутся состраданіемъ къ бѣдному и угнетенному брату и по собственной волѣ откажутся отъ своихъ милліоновъ и имущественныхъ приобрѣтеній въ пользу неимущихъ? Гдѣ взять братство, когда его нѣтъ въ наличности; его не создашь изъ ничего, не выдумаешь... „Вмѣсто свободы люди впали въ рабство, а вмѣсто служенія братолюбію и человѣческому единенію впали, напротивъ, въ *отъединеніе* и уединеніе. А потому въ мірѣ все болѣе и болѣе угасаетъ мысль о служеніи человѣчеству, о братствѣ и цѣлостности людей“.¹⁾

Но если нельзя достигнуть имущественной нивелировки мирнымъ путемъ, то остается единственный путь, путь принужденія, путь насилія. Съ такимъ насиліемъ отчасти уже мирился и прежній утопическій социализмъ, а въ новѣйшей

¹⁾ Т. XII, стр. 373.

соціалістической системѣ возстаніе пролетаріата противъ собственниковъ выставляется единственнымъ средствомъ къ установленію новаго экономического строя. Соціализмъ даже и не можетъ обойтись при осуществленіи своихъ цѣлей безъ грубаго насилія надъ собственниками, да онъ по видимому и не думаетъ останавливаться предъ такими „неважными мелочами“, такъ какъ за ними ему виднѣется свѣтлая перспектива—довольство и счастье преобладающаго большинства. Какъ только былъ провозглашенъ принципъ соціалистовъ, сами пролетаріи естественно увидѣли въ немъ призывъ къ грабежу и насилію надъ буржуазнымъ классомъ. „У милліоновъ демоса, говоритъ Достоевскій, (кромѣ слишкомъ немногихъ исключеній) на первомъ мѣстѣ, въ главѣ всѣхъ желаній, стоитъ грабежъ собственниковъ. Но нельзя винить нищихъ: олигархи сами держали ихъ въ этой тьмѣ и до такой степени, что, кромѣ самыхъ ничтожныхъ исключеній, всѣ эти милліоны несчастныхъ и слѣпыхъ людей, безъ сомнѣнія, въ самомъ дѣлѣ и наивнѣйшимъ образомъ думаютъ, что именно черезъ этотъ-то грабежъ они и разбогатѣютъ, и что въ томъ-то и состоитъ соціальная идея, объ которой имъ толкуютъ ихъ вожаки. Да и гдѣ имъ понять ихъ предводителей-мечтателей или какія либо тамъ пророчества о наукѣ? Если богатые не уступятъ во время, то выйдутъ страшныя дѣла. Но никто не уступитъ во время,—можетъ быть, и оттого, впрочемъ, что уже прошло время уступокъ. Да нищіе и не захотятъ ихъ сами, не пойдутъ ни на какое теперь соглашеніе, даже еслибъ имъ все отдавали; они все будутъ думать, что ихъ обманываютъ и обчитываютъ. Они хотятъ расправиться сами.“¹⁾

1) Т. X, стр. 105—106.

Вотъ съ этимъ то насиліемъ и не могъ никакъ помириться Достоевскій, стоявшій въ данномъ случаѣ на точкѣ евангельскаго ученія. Цѣль оправдываетъ средства,—это принципъ противохристіанскій; а оправдывать насиліе хотя бы ради достиженія счастья людей, значить разрушать всю основу христіанской морали. Да и нельзя созидать счастье людей путемъ насилія, такъ какъ этотъ путь обманчивый, призрачный. Гдѣ преступленіе, тамъ нѣтъ и не можетъ быть счастья. Повторяя слова Христа—„взявшій мечъ отъ меча и погибнетъ“, Достоевскій видѣлъ въ нихъ выраженіе того непреодолимаго закона, по которому всякое преступленіе ведетъ къ новому преступленію, пролитая кровь раждаетъ новую кровь.

Соціализмъ ведетъ людей, по словамъ Достоевскаго, на этотъ путь преступленія и крови потому, что, прививая имъ жажду довольства и наслажденія, не даетъ имъ средствъ для удовлетворенія безграничныхъ потребностей. Люди вѣка сего, говоритъ старецъ Зосима, «во слѣдъ наукѣ хотятъ устроиться справедливо однимъ умомъ своимъ, но уже безъ Христа, какъ прежде, и уже провозгласили, что нѣтъ преступленія, нѣтъ уже грѣха. Да оно и правильно по ихнему: ибо если нѣтъ у тебя Бога, то какое же тогда преступленіе? Въ Европѣ возстаетъ народъ на богатыхъ уже силой, и народные вожаки повсемѣстно ведутъ его къ крови, и учатъ, что правъ гнѣвъ его. Но „проклятъ гнѣвъ ихъ, ибо жестокъ“. Чтобы передѣлать міръ по новому, надо, чтобы люди сами психически повернулись на другую дорогу. Раньше, чѣмъ не сдѣлаешься въ самомъ дѣлѣ всякому братомъ, не наступитъ братства. Никогда люди никакою наукой и никакою выгодой не сумѣютъ безобидно раздѣлиться въ собственности своей и правахъ своихъ. Все будетъ для каждаго мало и все будутъ роптать, завидовать и истреблять другъ друга.

Нынѣ міръ говоритъ: „имѣешь потребности, а потому и насыщай ихъ, ибо имѣешь права такія же, какъ и у знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ людей. Не бойся насыщать ихъ, но даже приумножай“,—вотъ нынѣшнее ученіе міра. И что же выходитъ изъ сего права на приумноженіе потребностей? У богатыхъ *удушеніе* и духовное самоубійство, а у бѣдныхъ — зависть и убійство, ибо права-то дали, а средствъ насытить потребности еще не указали. У бѣдныхъ неутоленіе потребностей и зависть пока заглушаются пьянствомъ. Но вскорѣ вмѣсто вина упьются и кровью, къ тому ихъ ведутъ“.¹⁾

Какой ужъ тутъ прогрессъ, какое благоустроеніе человѣческой жизни, когда думаютъ добывать его путемъ крови и насилія! Можетъ быть будущія поколѣнія, воспитанныя на социалистическихъ принципахъ насилія и разрушенія, и удовлетворятся тѣмъ благополучіемъ, которое будетъ отвоевано путемъ преступнаго насильничества. Но это счастье незавидное и призрачное, потомучто оно ведетъ къ нравственному одичанію, къ возврату въ первобытное состояніе, чуть не къ антропофагіи. А пока въ человѣкѣ сохраняется его человѣчскій ликъ, онъ никогда не согласится воспользоваться счастьемъ, основаннымъ на крови; да если бы и согласился, то никогда не будетъ чувствовать себя истинно-счастливымъ. Это была самая любимая мысль Достоевскаго, которую онъ высказалъ сначала въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“, а затѣмъ буквально повторилъ въ своей рѣчи на Пушкинскомъ праздникѣ. Изобразивъ дикія и безчеловѣчныя истязанія, какимъ нерѣдко подвергаются невинныя дѣти, Иванъ Карамазовъ въ бесѣдѣ съ своимъ братомъ Алешей задаетъ ему такой вопросъ: „Скажи мнѣ самъ прямо, я зову тебя,—отвѣчай:

1) Т. XII, стр. 373.

представь, что это ты самъ возводишь зданіе судьбы чело-
вѣческой съ цѣлю въ финалѣ осчастливить людей, дать имъ,
наконецъ, миръ и покой, но для этого необходимо и неминуе-
мо предстояло бы замучить всего лишь одно только крохот-
ное созданьице, невиннаго ребеночка, и на неотомщенныхъ
слезкахъ его основать это зданіе, согласился ли бы ты быть
архитекторомъ на этихъ условіяхъ? Скажи и не лги“!

— Нѣтъ, не согласился бы, тихо проговорилъ Алеша.

„И можешь ли ты допустить идею, что люди, для кото-
рыхъ ты строишь, согласились бы сами принять свое счастье на
неоправданной крови маленькаго замученнаго, а принявъ,
остаться навѣки счастливыми?“

— Нѣтъ, не могу допустить.

«Поэтому отъ высшей гармоніи я совершенно отказыва-
юсь. Не стоитъ она слезинки хотя бы одного только заму-
ченнаго ребенка». Пусть это будетъ даже не невинное дитя,
а существо самое ничтожное, хотя бы даже зловредная ста-
руха процентщица, все равно,—зданіе челоѣческаго благо-
получія не можетъ быть заложено на гибели даже и этого
ничтожнаго существа. Если гибель людей должна идти на
пополненіе той суммы страданій, которая необходима для
покупки общаго счастья и благополучія, то все это счастье
не стоитъ такой цѣны. «Слишкомъ ужъ дорого оцѣнили
гармонію, не по карману нашему вовсе столько платить за
входъ». 1)

Да и можно ли думать, что челоѣкъ, изъ-за любви къ
голодному и обездоленному, изъ-за желанія ему счастья и
довольства, можетъ рѣшиться на насиліе и преступленіе?
Любовь къ брату и преступленіе два понятія несомѣстимыя,

1) Т. XII, стр. 290—291; ср. Т. XI, стр. 462.

потому что душа, способная къ искреннему состраданію и безкорыстной любви, никогда не может помириться съ насилиемъ, къ кому бы оно ни примѣнялось. Вотъ почему Достоевскій въ оправданіи насилія со стороны социалистовъ видѣлъ проявленіе грубаго эгоизма, преслѣдующаго только личныя выгоды. Прозирая въ даль будущаго, онъ допускалъ, что социализмъ въ концѣ концовъ долженъ обнаружить себя въ истинной своей сущности и превратиться въ тотъ ниппеанскій аристократизмъ, который даетъ право на полноту жизни только рѣдкимъ избранникамъ, сильнымъ натурамъ, сверхъ-человѣкамъ. Для этихъ избранниковъ никакой законъ не писанъ, имъ все позволено. Теорія Раскольниковъ, въ значительной мѣрѣ проглядывающая и въ словахъ Ивана Карамазова, и выражаетъ эту новую стадію въ развитіи социализма, оправдывающаго насиліе. А теорія Раскольниковъ, исходящая изъ основъ социализма, является очень любопытной. „Люди, говоритъ онъ, по закону природы раздѣляются, вообще, на два разряда: на низшій (обыкновенныхъ), т. е. такъ сказать на матеріаль, служащій единственно для зарожденія себѣ подобныхъ, и собственно на людей, т. е. имѣющихъ даръ или талантъ сказать въ своей средѣ *новое слово*. Первый разрядъ, т. е. матеріаль,—люди по натурѣ своей консервативные, чинные, живутъ въ послушаніи и любятъ быть послушными: они и обязаны быть послушными, потому что это ихъ назначеніе. Второй разрядъ—это преступники закона, разрушители или склонные къ тому, смотря по способностямъ. Преступленія этихъ людей, разумѣется, относительны и многообразны: большею частью они требуютъ, въ весьма разнообразныхъ заявленіяхъ, разрушенія настоящаго во имя лучшаго будущаго. Если ему надо для своей идеи перешагнуть хотя бы и черезъ трупъ, черезъ

кровь, то онъ внутри себя по совѣсти, можетъ дать себѣ разрѣшеніе перешагнуть черезъ кровь. Всѣ законодатели и установители человѣчества, начиная съ древнѣйшихъ, продолжая Ликургами, Солонами, Магометами, Наполеонами и т. д.,—всѣ до единого были преступники уже тѣмъ однимъ, что, давая новый законъ, тѣмъ самымъ нарушали древній, святочтимый обществомъ и отъ отцовъ перешедшій, и ужъ конечно не останавливались передъ кровью, если только кровь (иногда совсѣмъ невинная и доблестно пролитая за древній законъ) могла имъ помочь. Замѣчательно даже, что большая часть этихъ благодѣтелей и установителей человѣчества были особенно страшные кровопроливцы. Первый разрядъ людей, именно—людей обыкновенныхъ, всегда господинъ настоящаго, второй—господинъ будущаго; первые сохраняютъ міръ и приумножаютъ его численно, вторые двигаютъ міръ и ведутъ его къ цѣли. Огромная масса людей, матеріаль,—для того только и существуетъ на свѣтѣ, чтобы, наконецъ, чрезъ какое-то усиліе, какимъ-то таинственнымъ до сихъ поръ процессомъ, посредствомъ какого нибудь переkreщиванія родовъ и породъ, понатужиться и породить, наконецъ, на свѣтъ, ну хоть изъ тысячи одного, хоть сколько нибудь самостоятельнаго человѣка. Еще съ болѣе широкою самостоятельностью рождается, можетъ быть, изъ десяти тысячъ одинъ (я говорю примѣрно, наглядно). Еще съ болѣе широкою изъ ста тысячъ одинъ» и т. д. ¹⁾

По видимому, эта проповѣдь аристократизма, защищающая право рѣдкихъ избранниковъ на господство надъ косною толпою и даже на преступленіе, слишкомъ плохо вяжется съ принципами социализма, ратующаго за права обижен-

¹⁾ Т. V, стр. 256—260.

наго большинства. Но Достоевскій видитъ источникъ этого аристократизма именно въ социализмѣ, послѣдовательно дошедшаго до оправданія преступленія ради завоеванія довольства и счастья подавленному пролетариату. И можетъ быть онъ отчасти правъ, по крайней мѣрѣ по отношенію къ той фракціи социализма, которая выродилась въ террористическій анархизмъ. Что здѣсь есть какая-то связь, какое-то внутреннее родство, это безспорно. По видимому между ницшеанствомъ и современнымъ социализмомъ нѣтъ никакихъ точекъ соприкосновенія. Ницше съ своимъ ученіемъ о «сверхъ-человѣкѣ» былъ именно горячимъ защитникомъ аристократизма; онъ съ презрѣніемъ говоритъ о безцвѣтной толпѣ посредственностей, предназначенной къ подчиненію чужой волѣ и рабской покорности властвующимъ надъ ними аристократамъ; единственный законъ для этихъ рабовъ—воля господина, созидающаго жизнь; они и не достойны иной участи, какъ только рабской. Понятно, что подобные взгляды стоятъ въ самомъ глубокомъ противорѣчьи съ тѣми практическими цѣлями, которыя намѣтилъ себѣ социализмъ. Но вотъ что странно: не смотря на то, что значительная часть современнаго общества увлечена социалистическими тенденціями, своеобразная философія Ницше и особенно его ученіе о сверхъ-человѣкѣ, для котораго „все позволено“, было встрѣчено этимъ же самымъ обществомъ съ рѣдкимъ увлеченіемъ. Чѣмъ объяснить этотъ на первый взглядъ странный фактъ? Не тѣмъ ли въ самомъ дѣлѣ, что современный социализмъ, оправдывающій насильственные средства борьбы съ буржуазнымъ строемъ, носитъ въ себѣ дѣйствительно зародышъ того аристократизма, о которомъ говоритъ Раскольниковъ и который потомъ былъ философски разработанъ Ницше?

По мнѣнію Достоевскаго, социализмъ и долженъ притти

къ оправданію преступленія, разъ онъ только сталъ на атеистическую точку зрѣнія. „Для каждаго частнаго лица, не вѣрующаго ни въ Бога, ни въ безсмертіе свое, говоритъ Иванъ Карамазовъ, нравственный законъ природы долженъ немедленно измѣниться въ полную противоположность религіозному, и эгоизмъ даже до злодѣйства не только долженъ быть дозволенъ человѣку, но даже признанъ необходимымъ, самымъ разумнымъ и пожалуй благороднѣйшимъ исходомъ изъ его положенія. Поэтому, разъ человѣчество поголовно отречется отъ Бога, то само собою падеть прежнее міровзрѣніе и, главное,—вся прежняя нравственность, и наступитъ все новое. Люди соединятся, чтобы взять отъ жизни все, что она можетъ дать, но непременно для счастья и радости въ одномъ только здѣшнемъ мірѣ. Человѣкъ возвеличится духомъ божеской титанической гордости и явится человѣко-богъ... Но такъ какъ въ виду закоренѣлой глупости человѣческой, новый порядокъ пожалуй еще и въ тысячу лѣтъ не устроится, то всякому, сознающему уже и теперь истину, позволительно устроиться совершенно какъ ему угодно, на новыхъ началахъ. Въ этомъ смыслѣ ему «все позволено». Мало того: если даже этотъ періодъ и никогда не наступитъ, то такъ какъ Бога и безсмертія всетаки нѣтъ, то новому человѣку позволительно стать человѣко-богомъ даже хотя бы одному въ цѣломъ мірѣ, и ужъ конечно въ новомъ чинѣ, съ легкимъ сердцемъ онъ перескочитъ всякую прежнюю нравственную преграду прежняго раба человѣка, если это понадобится. Для Бога не существуетъ закона! Гдѣ станетъ Богъ, тамъ уже мѣсто Божіе! Гдѣ стану я, тамъ сейчасъ же будетъ первое мѣсто: все дозволено, и шабашъ!»¹⁾

¹⁾ Т. XII, 84, 769.

VII.

Но неужели же *Ф. М. Достоевскій*, подвергая строгой критикѣ современный ему социализмъ, не хотѣлъ замѣчать его благородныхъ стремленій, его идейнаго значенія? Неужели онъ способенъ былъ помириться съ тѣми многообразными формами зла, насилія и гнета, которыя жизнь преподноситъ намъ на каждомъ шагу? Неужели онъ въ своемъ прекраснодушіи готовъ былъ думать, что «и бѣдныя нужны, хотя бы для того, чтобы была эстетически богаче картина жизни; не все, дескать, красные да красные цвѣты на лугу, нужны и голубые и синіе; не все же сытые и богатые, это некрасиво и скудно, да и надоѣсть» (*Архим. Михайль*).

Но этого-то о *Достоевскомъ* никакъ уже нельзя сказать. Трудно указать не только въ русской, но и всемирной литературѣ писателя, которой съ такою искреннею болью относился бы ко всѣмъ голоднымъ, обездоленнымъ и безправнымъ. Прослѣдите въ мысли всѣ созданные имъ литературные типы, и вы должны будете признать, что все его сочувствіе всегда остается на сторонѣ униженныхъ и оскорбленныхъ. Предъ вами проходятъ *Макаръ Дѣвушкинъ* и *Варя*, чиновникъ *Голядкинъ*, *Мармеладовъ* съ семьей, мать и сестра *Раскольникова*, семья *Илюши* и т. д. и т. д.; все это жертвы или бѣдности или деспотизма; но съ какимъ глубокимъ, не только состраданіемъ, но и уваженіемъ относится *Достоевскій* къ этимъ несчастнымъ жертвамъ! Наиболѣе глубокое впечатлѣніе въ его произведеніяхъ производятъ именно тѣ мѣста, гдѣ рѣчь идетъ о людскомъ горѣ, о человѣческихъ страданіяхъ, о царящей всюду неправдѣ. Прочитайте главу въ „*Братьяхъ Карамазовыхъ*“ подъ названіемъ «*Бунтъ*», и вы сами проникнитесь настроеніемъ бунтовщика. Припомните несчастнаго *Ришарда*, доведеннаго до престу-

пленія и осужденнаго на смерть: пастыри, члены разныхъ Христовыхъ братствъ, благотворительныя дамы и проч. начинаютъ толковать ему Евангеліе, усовѣщевать, убѣждать, напирать, пилить, давить и доводятъ его до сознанія въ преступленіи, доводятъ до умиленія, до признанія: да, на меня сошла благодать; «и вотъ, покрытаго поцѣлуями братьевъ, брата Ришарда втащили на эшафотъ, положили на гильотину и оттяпали-таки ему, по-братски, голову за то, что и на него сошла благодать». Припомните дальше картинки, какъ образованный господинъ и его дама тиранятъ свою семилѣтнюю дочь прутьями съ сучками, чтобы «садче» было, какъ другіе образованные родители бьютъ свою пятилѣтнюю дочь, сѣкутъ, пинаютъ ногами, запираютъ ее въ морозъ въ отхожее мѣсто, обмазываютъ ей лицо ея же собственными нечистотами и заставляютъ ѣсть эти нечистоты, и какъ «это маленькое существо, еще не умѣющее даже осмыслить, что съ ней дѣлается, бьетъ себя въ подломъ мѣстѣ, въ темнотѣ и холодѣ, крошечнымъ своимъ кулачкомъ въ надорванную грудку, и плачетъ своими незлобивыми, кроткими слезками къ «Боженькѣ», чтобы Тотъ защитилъ его». Или вотъ еще картинка. «Живетъ генераль въ своемъ помѣстьѣ въ двѣ тысячи душъ, чванится, третируетъ мелкихъ сосѣдей, какъ приживальщиковъ и шутовъ своихъ. Псарня съ сотнями собакъ и чуть не сотня псарей, всѣ въ мундирахъ, всѣ на коняхъ. И вотъ дворовый мальчикъ, маленькій мальчикъ, всего восьми лѣтъ, пустилъ какъ-то играя камнемъ и зашибъ ногу любимой генеральской гончей». Почему собака моя любимая охромѣла? «Докладываютъ ему, что вотъ, дескать, этотъ самый мальчикъ камнемъ въ нее пустилъ и ногу ей зашибъ. «А, это ты, оглядѣлъ его генераль, —взять его!» Взяти его, взяли у матери, всю ночь проси-

дѣль въ кутузкѣ; на утро, чѣмъ свѣтъ, выѣзжаетъ генералъ во всемъ парадѣ на охоту, сѣлъ на коня, кругомъ него приживальщики, собаки, псари, ловчіе, всѣ на коняхъ. Во кругъ собрана дворня для назиданія, а впереди всѣхъ мать виновнаго мальчика. Выводятъ мальчика изъ кутузки, генералъ велитъ раздѣть; ребеночка раздѣваютъ всего до нага онъ дрожитъ, обезумѣлъ отъ страха, не смѣетъ пикнуть.. «Гони его!» командуетъ генералъ. «Бѣги, бѣги!» кричатъ ему псари; мальчикъ бѣжитъ... «Ату его!» вопитъ генералъ и бросаетъ на него всю стаю борзыхъ собакъ. Затравилъ на глазахъ матери, и псы растерзали мальчика въ клочки». 1)

Могъ ли нарисовать эти страшныя картины человѣкъ который мирится съ неправдой жизни и оправдываетъ тѣ основы, на которыхъ зиждется эта неправда? Вѣдь во всѣхъ этихъ картинахъ слышится не только боль страдающаго при видѣ насилія человѣка, но и рѣзкій протестъ, доходящій до злобы, до бунта.

А вотъ подавляющія картины изъ жизни лондонскихъ рабочихъ. „Ночью по субботамъ полмилліона работниковъ и работницъ, съ ихъ дѣтьми, разливаются какъ море по всему городу, наиболѣе группируясь въ иныхъ кварталахъ, и всю ночь до пяти часовъ празднуютъ шабашъ, т. е. наѣдаются и напиваются, какъ скоты, за всю недѣлю. Все это несетъ свои еженедѣльные экономіи, все заработанное тяжкимъ трудомъ и проклятiями. Все пьяно, но безъ веселья, а мрачно, тяжело, и все какъ-то странно молчаливо. Только иногда ругательства и кровавыя потасовки нарушаютъ эту подозрительную и грустно дѣйствующую на васъ молчаливость. Все это поскорѣй торопится напиться до потери сознанія. Жены

1) Т. XII, стр. 284—288.

не отстаютъ отъ мужей и напиваются вмѣстѣ съ мужьями; дѣти бѣгають и ползають между ними. Тутъ вы видите не народъ, а потерю сознанія, систематическую, покорную, поощряемую. И вы чувствуете, глядя на всѣхъ этихъ паріевъ общества, что еще долго не сбудется для нихъ пророчество, что еще долго не дадутъ имъ пальмовыхъ вѣтвей и бѣлыхъ одеждъ, и что долго еще будутъ они взывать къ престолу Всевышняго: „доколѣ, Господи?“ Эти милліоны людей, оставленные и прогнанные съ пиру людского, толкаясь и давя другъ друга въ подземной тѣмѣ, въ которую они брошены своими старшими братьями, оцупью стучатся хоть въ какія нибудь ворота и ищутъ выхода, чтобъ не задохнуться въ темномъ подвалѣ... Я видѣлъ въ Лондонѣ еще одну подобную же этой массу, именно въ Гай-Маркетѣ. Это кварталъ, въ которомъ по ночамъ, въ нѣкоторыхъ улицахъ, тысячами толпятся продажныя женщины. Въ Гай-Маркетѣ я замѣтилъ матерей, которыя приводятъ на промыселъ своихъ малолѣтнихъ дочерей. Маленькія дѣвочки лѣтъ по двѣнадцать хватаютъ васъ за руку и просятъ, чтобъ вы шли съ ними. Помню разъ, въ толпѣ народа, на улицѣ, я увидѣлъ одну дѣвочку, лѣтъ шести не болѣе, всю въ лохмотьяхъ, грязную, босую, испитую и избитую: просвѣчивавшее сквозь лохмотья тѣло ея было въ синякахъ. Она шла, какъ бы не помня себя, не торопясь никуда, Богъ знаетъ, зачѣмъ шатаясь въ толпѣ; можетъ быть, она была голодна. На нее никто не обращалъ вниманія. Но что болѣе всего меня поразило,—она шла съ видомъ такого горя, такого безысходнаго отчаянія въ лицѣ, что видѣть это маленькое созданіе, уже несущее на себѣ столько проклятія и отчаянія, было даже какъ-то неестественно и ужасно больно. Она все качала своей всклокоченной головой изъ стороны въ сторону, точно разсуждая о чемъ-то, раздвигала врозь свои

маленькія руки, жестикулируя ими, и потомъ вдругъ всплескивала ихъ вмѣстѣ и прижимала съ своей голенькой груди “ 1).

Нѣтъ, если Достоевскій способенъ былъ замѣчать и рисовать подобныя картины, способенъ былъ содрогаться предъ послѣдствіями современнаго общественнаго и капиталистическаго строя, то онъ не могъ итти противъ тѣхъ основныхъ задачъ, которыя выставляетъ соціализмъ, не могъ не останавливаться на вопросѣ: что же дѣлать, гдѣ искать выхода изъ этой страшной ямы? И онъ постоянно мучался этимъ вопросомъ, онъ никогда, ни на часъ, ни на минуту, не могъ отвлечь отъ него свою мысль. Но онъ слишкомъ преувеличивалъ лучшія стороны человѣческой души, слишкомъ вѣрилъ во всеобѣждающую силу Христовой правды, и поэтому надѣялся, что самъ человѣкъ въ концѣ концовъ пойметъ значеніе Христова братства и самостоятельно, безъ понужденій, безъ насильственныхъ переворотовъ, безъ революціи, примется за созиданіе царства Божія на землѣ, гдѣ не будетъ ни бѣдныхъ, ни голодныхъ, ни униженныхъ, а будутъ только братья. Въ этомъ случаѣ онъ былъ оптимистъ до крайней степени. И замѣчательно, чѣмъ больше расширялся опытъ его жизни, чѣмъ ближе онъ былъ къ закату дней своихъ, тѣмъ болѣе онъ укрѣплялся въ своихъ оптимистическихъ иллюзіяхъ. Даже Иванъ Карамазовъ, этотъ страшный скептикъ въ душѣ, вѣритъ въ наступленіе царства правды и любви. „Я убѣжденъ, говоритъ онъ, какъ младенецъ, что страданія заживутъ и сгладятся, что весь обидный комизмъ человѣческихъ противорѣчій исчезнетъ какъ жалкій миражъ, какъ гнусенькое измышленіе малосильнаго и маленькаго, какъ атомъ, человѣческаго ума, что, наконецъ, въ міровомъ

1) Т. III, ч. 2-я, стр. 34, 35, 37.

финалъ, въ моментъ вѣчной гармоніи, случится и явится нѣчто до того драгоцѣнное, что хватить его на всѣ сердца, на утоленіе всѣхъ негодованій, на искупленіе всѣхъ злодѣйствъ людей, всей пролитой ими крови.“¹⁾

Еще увѣреннѣе выражается это чаяніе въ словахъ старца Зосимы, являющагося самымъ яркимъ выразителемъ оптимистическихъ вѣрованій Достоевскаго. „Спасетъ Господь людей своихъ. Мечтаю видѣть и какъ бы уже вижу ясно наше грядущее: ибо будетъ такъ, что даже самый развращенный богачъ нашъ кончитъ тѣмъ, что устыдится богатства своего предъ бѣднымъ, а бѣдный, видя смиреніе сіе, пойметъ и уступитъ ему, съ радостію и лаской отвѣтитъ на благолѣпный стыдъ его. Вѣрьте, что кончится симъ: на то идетъ. Лишь въ человѣческомъ духовномъ достоинствѣ равенство... И неужели сіе мечта, чтобы подъ конецъ человѣкъ находилъ свои радости лишь въ подвигахъ просвѣщенія и милосердія, а не въ радостяхъ жестокихъ, какъ нынѣ? Твердо вѣрую то нѣтъ и что время близко. И я мыслю, что мы со Христомъ это великое дѣло рѣшимъ. И сколько же было идей на землѣ, въ исторіи человѣческой, которыя даже за десять лѣтъ не мыслимы были и которыя вдругъ появлялись, когда приходилъ для нихъ таинственный срокъ ихъ, и проносились по землѣ. Такъ и у насъ будетъ, и возсіяетъ міру народъ нашъ и скажутъ всѣ люди: „камень, который отвергли зиждущіе, сталъ главою угла“. А насмѣшниковъ спросить бы самихъ: если у насъ мечта, то когда же вы воздвигните зданіе свое и устройтесъ справедливо лишь умомъ своимъ безъ Христа? Воистину у нихъ мечтательной фантазіи болѣе, чѣмъ у насъ! Мыслятъ устроиться справедливо, но, отвергнувъ

¹⁾ Т. XII, стр. 279.

Христа, кончатъ тѣмъ, что зальютъ міръ кровью, ибо кровь зоветъ кровь, а извлекшій мечъ погибнетъ мечемъ. И если бы не обѣтованіе Христово, то такъ и истребили бы другъ друга даже до послѣднихъ двухъ человѣкъ на землѣ. Да и сіи два послѣдніе не сумѣли бы въ гордости своей удержать другъ друга, такъ что послѣдній истребилъ бы предпослѣдняго, а потомъ и себя самого“ ¹⁾).

А путь къ этому устройенію человѣческой жизни есть путь личнаго нравственнаго улучшенія на основахъ Христовой правды. Сдѣлайся самъ лучше, и вся жизнь вокругъ тебя будетъ лучше. „Не внѣ тебя правда, а въ тебѣ самомъ: найди себя въ себѣ, подчини себя себѣ, овладѣй собою, и узришь правду. Не въ вещахъ эта правда, не внѣ тебя и не за моремъ гдѣ нибудь, а прежде всего въ твоемъ собственномъ трудѣ надъ собою. Побѣдишь себя, усмиришь себя,— и станешь свободенъ, какъ никогда и не воображалъ себѣ, и начнешь великое дѣло, и другихъ свободными сдѣлаешь, и узришь счастье, ибо наполнится жизнь твоя“ ²⁾). Отдать себя для счастья другихъ это не отреченіе отъ личности, а «признакъ самаго высочайшаго развитія личности, высочайшаго ея могущества, высочайшаго самообладанія, высочайшей свободы собственной воли. Добровольно положить свой животъ за всѣхъ, пойти за всѣхъ на крестъ, на костеръ, можно только сдѣлать при самомъ сильномъ развитіи личности». Пусть эта готовность жить только для другого войдетъ въ природу не отдѣльныхъ единицъ, а въ природу цѣлой націи, цѣлаго народа, и тогда и свобода, и братство, и равенство придутъ сами собою. Тогда „каждая отдѣльная лич-

1) ХП, стр. 375—378.

2) XI, стр. 458—459.

ность сама, безъ всякаго принужденія сказала бы обществу: „мы крѣпки только вмѣстѣ, возьмите же мѣня всего, если вамъ во мнѣ надобность, не думайте обо мнѣ, издавая свои законы, не заботьтесь нисколько, я всѣ свои права вамъ отдаю. Это высшее счастье мое—вамъ всѣмъ пожертвовать“. А братство, напротивъ, должно сказать: „ты слишкомъ много даешь намъ. То, что ты даешь намъ, мы не въ правѣ не принять отъ тебя, ибо ты самъ говоришь, что въ этомъ все твое счастье; но что же дѣлать, когда у насъ безпрестанно болитъ сердце и за твое счастье? Возьми же все и отъ насъ. Мы всѣми силами будемъ стараться поминутно, чтобъ у тебя было какъ можно больше личной свободы, какъ можно больше самоуправленія. Никакихъ враговъ, ни людей, ни природы теперь не бойся. Мы всѣ за тебя, мы всѣ гарантируемъ тебѣ безопасность, мы неусыпно о тебѣ стараемся, потому что мы всѣ твои братья, а насъ много и мы сильны“ 1).

Нужно ли подчеркивать, что здѣсь Достоевскій вступаетъ на путь социализма, но социализма христіанскаго, совершенно чуждаго мысли о насильственномъ уравниніи всѣхъ въ экономическомъ отношеніи. А если это такъ, то стало быть онъ идетъ не противъ основной идеи социализма, а противъ тѣхъ средствъ, которыми социализмъ хочетъ отвоевать людямъ счастье и довольство и которыя казались ему и не надежными и не всегда высоко-нравственными. И нужно сказать, что его сужденія объ экономическомъ социализмѣ въ большинствѣ случаевъ являются глубоко справедливыми. Въ вину ему можно поставить только то, что онъ, отвергнувъ системы экономическаго матеріализма, не указалъ практиче-

1) Ш, стр. 46 - 47.

скаго рѣшенія тѣхъ вопросовъ, которые выдвигаются недостатками современнаго соціального строя. Тотъ мечтательный социализмъ, который онъ построяетъ на основахъ православія и русской національной идеи, нельзя, конечно, считать практическимъ разрѣшеніемъ соціального вопроса. Отрицая значеніе среды, Достоевскій обособлялъ человѣческую личность отъ тѣхъ формъ общественной жизни, которыя связываютъ отдѣльнаго человѣка по рукамъ и ногамъ. Ему казалось, что стоитъ только человѣку захотѣть и рѣшиться быть лучшимъ, и онъ дѣйствительно превратится въ свѣтлаго ангела. Но такъ ли это? Не слишкомъ ли тяжелое бремя возлагается на отдѣльную человѣческую личность, когда къ ней предъявляется требованіе не только созидать личное счастье, но и сохранять нравственную чистоту даже и въ томъ случаѣ, если окружающія условія поставляютъ для этого непреодолимый тормазъ. Будь ты выкованъ хоть изъ стали, безобразныя условія сомнутъ и сломаютъ тебя, какъ соломенку. Неужели вина паденія тѣхъ двѣнадцати-лѣтнихъ дѣвочекъ, которыя являлись или приводились матерями въ Гай-Маркетъ для продажи своего тѣла, падаетъ всецѣло на нихъ самихъ, а не на тотъ соціальный омутъ, въ который бросила ихъ злая судьба? Не всѣ способны быть Маріями Египетскими; да и та единственная Марія Египетская, которую знаетъ исторія, вынуждена была бѣжать въ пустыню, чтобы избавиться отъ засасывающей среды.

Достоевскій былъ оптимистъ, неисправимый мечтатель; онъ былъ не практикъ, — съ этимъ нельзя не согласиться. Но что отрицательное отношеніе его къ современному социализму было будто-бы подсказано ему буржуазнымъ довольствомъ сытаго человѣка, видящаго и въ благотворительности только своеобразное наслажденіе, это мы считаемъ

глубокою несправедливостью по отношенію къ нашему великому писателю. Намъ кажется, что архим. Михаилъ въ своей статьѣ — «Какъ я сталъ народнымъ социалистомъ?» (Иллюстрированный еженедѣльникъ, 1907, №№ 6, 7 и 8) допускаетъ большую ошибку, когда отрекается отъ Достоевскаго ради того, что «признаетъ его проповѣдь жалости, пнянаго состраданія—самоотверженія просто буржуазной поддѣлкой христіанства, при которой Христосъ существуетъ, чтобы давать богатымъ радость «благотворительности» и удерживать отъ бунта проповѣдью, что страданіе—великое счастье». Но если проповѣдь жалости и состраданія есть только буржуазная поддѣлка христіанства, то чего же о. Михаилъ хочетъ отъ настоящаго, неподдѣльнаго христіанина? Вѣдь не одной же только ненависти и вражды по отношенію къ капиталистамъ, не одной насильственной борьбы съ буржуазнымъ строемъ? Гдѣ нѣтъ искренняго сочувствія къ горю всѣхъ угнетенныхъ и подавленныхъ бѣдностью, гдѣ нѣтъ «жалости» къ страждущему собрату, тамъ не можетъ быть и благородныхъ побужденію къ уничтоженію буржуазнаго строя. И о. Михаилъ въ своемъ социализмѣ исходитъ изъ той же жалости, изъ то-же слиянія своей личности съ страданіемъ ближняго и всего общества, изъ чего исходитъ и Достоевскій. «Дѣвушка на Невскомъ, говоритъ о. Михаилъ, продаетъ свое тѣло... Иуда въ Геосиманскомъ саду предаетъ своего Господа... Моя личность, ея свобода не только заинтересована морально въ томъ и другомъ фактѣ, а вся цѣликомъ «тамъ», на Невскомъ, въ Геосиманіи.. Сознать себя челоѡкомъ—значитъ сознать себя богомъ... на Голгофѣ. Весь міръ—твой, твое созданіе, твоя мысль, кровь или сукровица твоего духа. Окна тюрьмы—твои. Всѣ души кругомъ тебя, прокаженные и калѣки,—

твои... И ты долженъ пережить гнусность всего этого «твоего», сорвать съ себя, а значить—и съ міра, всѣ запятнанныя гноемъ одежды». Однимъ словомъ, стало быть, нужно, взять на себя и вину и страданіе всѣхъ, слиться со всѣмъ этимъ моремъ слезъ, горя, паденія и униженія. Но если о. Михаилъ хочетъ обосновать свой социализмъ на добровольномъ принятіи на себя вины и боли всѣхъ людей и всего міра, то не идетъ ли онъ и здѣсь по пути, указанному Достоевскимъ? Вѣдь это его мысль, его чаяніе, его глубокая вѣра. Припомните слова Маркела, брата старца Зосимы. „Мама, радость моя! всякій изъ насъ предъ всѣми во всемъ виноватъ, а я болѣе всѣхъ. Матушка, кровинушка ты моя милая, радостная, знай, что воистину всякій предъ всѣми и во всемъ виноватъ. Не знаю я, какъ истолковать тебѣ это, но чувствую, что это такъ, до мученія. Птички Божіи, птички радостныя, простите и вы меня, потому что и предъ вами я согрѣшилъ. Была такая Божія слава кругомъ меня: птички, деревья, луга, небеса, одинъ я жилъ въ позорѣ, одинъ все обезчестилъ, а красы и славы не примѣтилъ вовсе. И старецъ Зосима глубоко убѣжденъ въ этомъ; «Всякій человѣкъ за всѣхъ и за вся виноватъ, помимо своихъ грѣховъ. И востину вѣрно, что когда люди эту мысль поймутъ, то настанетъ для нихъ царствіе небесное уже не въ мечтѣ, а въ самомъ дѣлѣ. Но сначала долженъ заключиться періодъ человѣческаго *удиненія*. Ибо всѣ то въ нашъ вѣкъ раздѣлились на единицы, всякій уединяется въ свою нору, всякій отъ другого отдаляется, прячется и что имѣетъ прячетъ, и кончаетъ тѣмъ, что самъ отъ людей отталкивается и самъ людей отъ себя отталкиваетъ; копить уединенно богатство и тѣмъ болѣе погружается въ самоубійственное безсиліе. Но непременно будетъ

такъ, что придетъ срокъ и сему страшному уединенію, и удивятся тому, что такъ долго сидѣли во тьмѣ, а свѣта не видѣли. Тогда и явится знаменіе Сына человѣческаго на небеси»¹⁾.

Не социализмъ самъ въ себѣ съ его призывомъ къ устраненію коренныхъ золъ человѣческой жизни былъ антипатиченъ Достоевскому, а тѣ нежелательныя формы, въ которыя онъ облакался, да и до сихъ поръ облакается при практическомъ осуществленіи своихъ задачъ. Съ подавленіемъ личности, отрицаніемъ Христа, насиліемъ и преступленіемъ,—вотъ съ чѣмъ главнымъ образомъ не могъ помириться Ѳ. Михайловичъ. Да и можно ли съ этимъ мириться? Только правдой можно достигнуть правды жизни; а насиліе поведетъ къ новому насилію, къ новой неправдѣ. Но какъ побѣдить зло жизни мирными и добрыми средствами, это тотъ вѣковѣчный вопросъ, предъ которымъ въ безсиліи всегда останавливалась человѣческая мысль. Такъ что-же? неужели сидѣть у моря и ждать погоды, а въ это время милліоны людей будутъ задыхаться въ подземельяхъ, гнить отъ болѣзней, нравственно гибнуть отъ пьянства и разврата? Нѣтъ, каждому нужно работать, каждому нужно нести свѣтъ туда, гдѣ его нѣтъ. Народъ уже пробуждается отъ своего сна; воспитанный въ правдѣ Христовой, онъ найдетъ и выходъ изъ того безпросвѣтнаго положенія, въ которомъ онъ находился многія столѣтія. Придетъ время и обнаружится общая народная воля; предъ ней не устоитъ никакая неправда; безъ насилія, безъ погромовъ, безъ крови эта единодушная воля народа отвоюетъ себѣ право на свободу, право на довольство, право на все то, чего онъ

¹⁾ XII, (стр. 343—344, 360—361.

лишенъ былъ до сихъ поръ. Велика была сила неправды, но безконечно сильнѣе ея правда и воля народная. Раздастся мощный голосъ просвѣтлѣвшаго народа и то, что для насъ кажется только свѣтлою мечтою, станетъ дѣйствительнымъ фактомъ. И можетъ быть правъ былъ старецъ Зосима, когда говорилъ, что день этотъ уже близокъ.

миср. Трунну

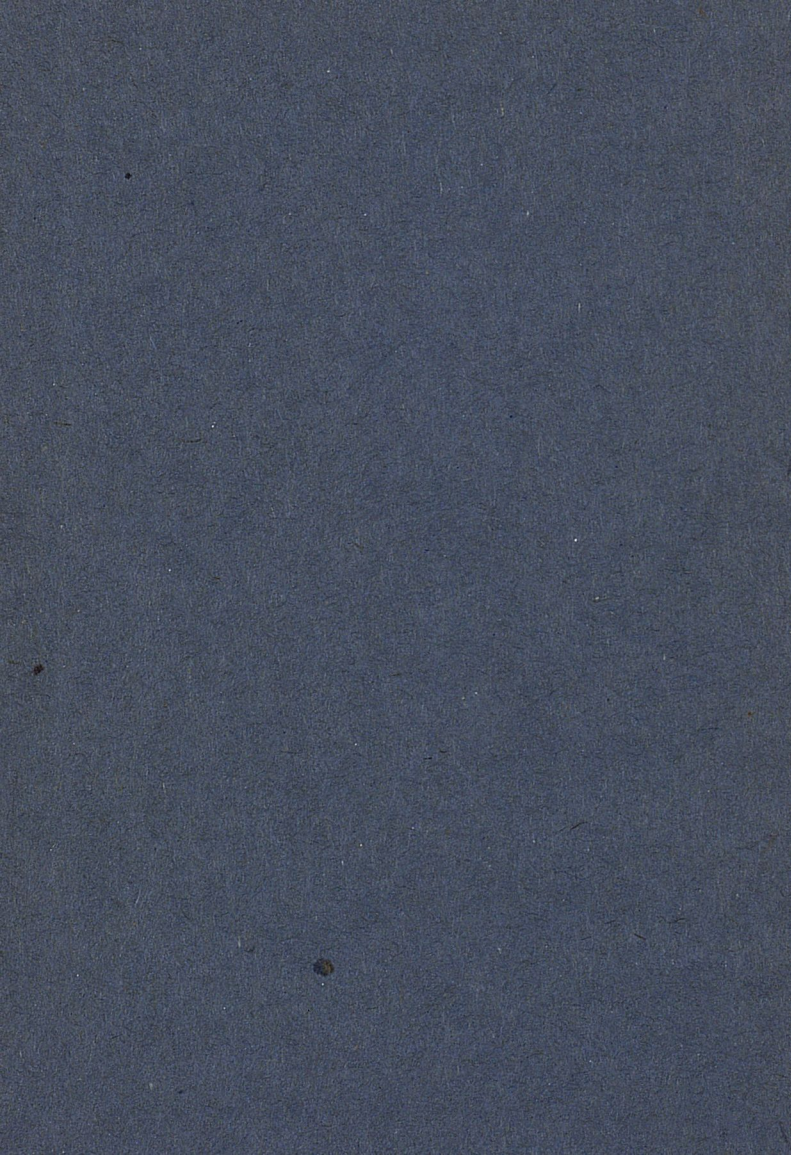
Библиотека „Церковно-Общественной Жизни.“

- С. А. В.* Воспитаніе воли. Къ вопросу о реформѣ церкви. 1906 г. Казань. Ц. 15 к.
- Ершовъ А. Н.* Къ вопросу о христіанскомъ отношеніи къ современной дѣйствительности. 1903 г. Казань. Ц. 15 к.
- Смирновъ А. В.,* прот. Христіанство и социализмъ. Казань. 1906 г. Ц. 20 к.
- Говоровъ А. В.* Отчего наши пастыри-проповѣдники съ своими слушателями «глухи другъ къ другу». Казань. 1906 г. Ц. 20 к.
- Къ вопросу о приходѣ. Казань. 1906 г. Ц. 15 к.
- Несмѣловъ В. И.* О желательныхъ измѣненіяхъ въ организациі учебнаго строя духовныхъ академій. Казань. 1906 г. Ц. 15 к.
- Кобловъ Я. Д.* Народныя представленія мусульманъ о рабѣ и адѣ. Казань. 1907 г. Ц. 20 к.
- » О мусульманскомъ духовенствѣ. Казань. 1907 г. Ц. 15 к.
- О. Тихонъ.* Архіерей. Повѣсть. Казань. 1906 г. Ц. 75 к. съ пересылкой 85 к.
- Смирновъ А.* Нагорная проповѣдь Иисуса Христа въ бесѣдахъ Ц. 60 к.
- Писаревъ Л.,* проф. Бракъ и дѣвство при свѣтѣ древней святоотеческой письменности. Казань. 1905 г. Ц. 50 к.
- Далматовъ К.,* свящ. Псалтирь въ стихахъ. Казань. 1907 г. Ц. 85 к., съ пересылкой 1 руб.
- Свящ. *Е. О. Сосулицовъ.* Методическія указанія и конспекты уроковъ по закону Бжію. Полный курсъ, младшаго отдѣленія начальной школы. Казань. 1906 г. Ц. 40 коп. съ перес. 50 к.
- Ак. Ст.* Женщина по Вебелю. Критическій очеркъ. Казань. 1907 г. Ц. 10 к., съ пер. 12 к.
- Пр. А. С—овъ.* Стрлая и новая школа. Казань. 1907 г. Ц. 15 коп., съ перес. 20 к.
- Говоровъ А. В.* Женскій вопросъ въ связи съ историческими судьбами женщины. Казань. 1907 г. Ц. 30 к.
- А. Н. Е.* Прогрессъ и христіанство. Казань. 1907 г. Ц. 15 к.
- Пр. А. Смирновъ.* Соціализмъ въ одѣжѣ *Ф. М. Достоевскаго.* Казань. 1907 г. Ц. 25 к.
- Бытописателъ.* Тернистый путь пастыря. Изъ дневника священника. Казань. 1907 г. Ц. 30 к.

Складъ изданій при редакціи «Церковно-Общественной Жизни» (Казань. 1-я Академическая у., д. № 11).

2007067286